

С. Есенин.

СТИХОТВОРЕНИЯ · ПОЭМЫ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ • 1977

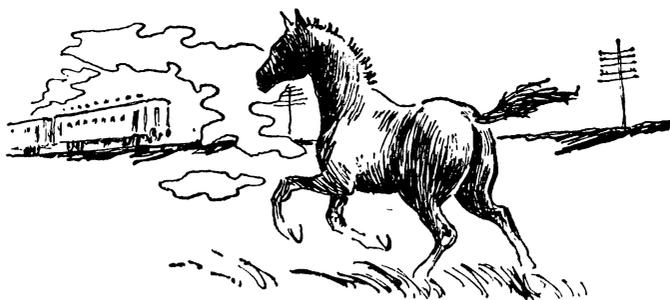

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ЕСЕНИН

1895—1925

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ**

Р2
Е 82

Текст печатается по изданию:
Сергей Есенин
Собрание сочинений
в 5-ти томах.
М., «Художественная ли-
тера-
тура»,
1966—1968.

Художник П. ЗУБЧЕНКОВ

Е 70302-201
М172(03)-76 161-77

Р2

© Составление, вступительная статья и примечания издательства «Московский рабочий», 1977 г.

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПОЭТ

«Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не волеет мне в грудь мою теплынь».

Есенин... Это имя еще при жизни поэта стало легендой. В памяти тех, кому довелось видеть Есенина хоть однажды, запечатлелся образ человека яркого, обаятельного, обладавшего удивительной способностью покорять человеческие сердца. «Огромная сила чувства», «душа русская, раздольная» жила в нем и щедро питала его творчество.

А. М. Горький восторгался изумительной искренностью Есенина, писал о нем как об «оригинальнейшем лирике», созданном «природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком»¹.

Главная тема есенинской поэзии уходит своими корнями в толщу народной жизни. Это делает ее глубоко национальной, близкой и понятной советским людям. «Моя лирика жива одной большой любовью, любовью к родине,— говорил о себе Есенин.— Чувство родины — основное в моем творчестве...»²

Как поэт Есенин формировался в годы революции. Не сразу пришел он к пониманию того нового, что вошло в плоть и кровь советской литературы. Но в лучших своих произведениях он сумел воспеть это новое, раскрыть смысл и значение происходивших событий, показать красоту и силу новой, социалистической действительности.

¹ Горький А. М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 17, с. 64.

² Есенин С. Собр. соч. в 5-ти т., т. 3, с. 315. М., «Художественная литература», 1967. В дальнейшем ссылки на это издание с указанием тома и страницы даются в тексте.

Современный читатель высоко ценит в Есенине то, что не отошло в прошлое, но что принадлежит настоящему и будущему. Есенин неизменно волнует нас своей человечностью, чистотой и свежестью своего чувства, ощущением радости жизни, бытия.

Сергей Александрович Есенин родился 3 октября (21 сентября по старому стилю) 1895 года в с. Константинове Рязанской губернии. Здесь, на берегу Оки, в окружении русской природы, прошло его детство. «Наше Константиново,— пишет в своих воспоминаниях сестра поэта,— было тихое, чистое, утопающее в зелени село...»¹ Отсюда, с высокого холма, вдоль которого раскинулось село, открывались взору приокские дали — заливные луга, леса, поля, степи...

Есенин рано пристрастился к чтению. Знал много народных песен, заучивал стихи русских поэтов, пробовал сочинять сам. Эту любовь к родному слову он перенял у своего деда Федора Андреевича Титова, которому с двух лет был отдан на воспитание. «Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресным дням он рассказывал мне Библию и священную историю» (V, 16). «Дед имел прекрасную память и знал наизусть великое множество народных песен...»² Немалую роль в духовном развитии ребенка играла и бабушка. «Стихи начал слагать рано. Толчки давала бабка. Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их переделывал на свой лад. Стихи начал писать, подражая частушкам» (V, 11).

Когда мальчику исполнилось девять лет, его отдали в Константиновское земское четырехгодичное училище. Учился Есенин легко, отвечал на уроках живо, бойко. Его незаурядные способности были отмечены многими учителями. После окончания училища Есенина по настоянию деда отправляют в Спас-Клепиковскую второклассную церковноприходскую школу. Там окончательно утвердилось его решение посвятить себя литературе. В немалой степени этому способствовала его дружба с одним из лучших учеников Спас-Клепиковской школы — Гришей Панфиловым...

Получив «звание учителя школы грамоты», Есенин, в надежде напечатать свои стихи и найти покровительство и поддержку в литературных кругах, летом 1912 года приезжает в Москву.

Родители Есенина к тому времени вели полугородской-полудеревенский образ жизни. Отец поэта Александр Никитич работал приказчиком в мясной лавке замоскворецкого купца Крылова и навещивался в родное село по праздникам или же на время отпуска. Мать Татьяна Федоровна «устраивалась то прислужгой в Рязани, то работницей на кондитерской фабрике в Москве»³. После, когда родились сестры поэта Катя и Шура, она стала жить постоянно в деревне, приезжая иногда к мужу в гости.

Отец рад был приезду Сергея и первым делом позаботился о его трудоустройстве. Но поэтически настроенному юноше не по душе при-

¹ Есенина Александра. Родное и близкое. М., 1968, с. 6.

² Розанов И. Н. Есенин о себе и о других. М., кооперативное изд-во писателей «Никитинские субботники», 1926, с. 17.

³ См. об этом: Есенина Александра. Родное и близкое, с. 25.

пились обязанности конторского служащего при лавке, и вскоре он уходит не только из лавки, но и от отца. Судьба сводит его с участниками Суриковского литературно-музыкального кружка, такими же молодыми и начинающими, как он, выходцами из рабоче-крестьянской среды. Рабочие, посещавшие кружок, помогают Есенину устроиться в корректорское отделение типографии Сытина. Немногим более года проработал здесь Есенин. Но этот период стал важной вехой в жизненной биографии поэта. Ленские события, новый революционный подъем, участвовавшие массовые выступления рабочих пробудили в Есенине чувство солидарности с народом. Он участвует в конспиративных собраниях, в распространении революционных прокламаций, подвергается обыску. В письме своему другу Грише Панфилову он сообщает: «За мной следят, и еще совсем недавно был обыск у меня на квартире. Объяснять в письме все не стану, ибо от сих пашей и их иссвидящего ока не скроешь и булавочной головки...» (V, 44).

Литературные дела Есенина в это время успешно продвигаются, и сам он в своем духовном развитии заметно вырос. Ни одно сколько-нибудь значительное произведение, печатавшееся в сытинской типографии, не прошло мимо его пытливых глаз. Он снова читает и перечитывает Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Белинского, Гоголя, Некрасова... Много дали Есенину в смысле развития лекции в Народном университете имени А. Л. Шанявского, куда поступил он в 1913 году, а также участие в деятельности Суриковского кружка. В эти годы состоялось знакомство Есенина с поэтами С. Клычковым, П. Орешинным, В. Наседкиным.

В конце 1914 года Есенин создает антивоенную поэму «Галки», предназначенную для первого номера суриковского журнала «Друг народа». Но она была запрещена еще в наборе и не увидела свет. В этом номере, вышедшем в январе 1915 года, было напечатано другое стихотворение Есенина на тему войны — «Узоры». Стихи молодого поэта охотно публикуют детские журналы. Так, в первом номере сытинского журнала «Мирок» за 1914 год появилось ставшее впоследствии хрестоматийным стихотворение «Береза».

В этом же журнале Есенин помещает стихотворения «Пороша», «Поет зима — аукает...», «С добрым утром!». Напечатали стихи Есенина и другие детские журналы — «Проталинка», «Доброе утро», а также газеты «Путь правды» и «Новь». «Распечатался я во всю Ивановскую...— делится он своей радостью в письме Грише Панфилову.— Получаю 15 к. за строчку. Посылаю одно из детских стихотворений».

Не все, разумеется, написанное Есениным в первый московский период его литературной деятельности, было ровным и гладким в художественном отношении. Такие эпические вещи, как «Песнь о Евпатии Коловрате», «Марфа Посадница», «Ус», в основу которых положены исторические сюжеты, а также отдельные лирические стихотворения перегружены религиозной символикой, диалектной и церковной лексикой, библейскими и старославянскими словами и выражениями. В какой-то мере это и затрудняло их восприятие, и не вполне гармонировало с тем миром вольницы, который изображал Есенин. С точки зрения эволюции поэтического стиля Есенина эти явления объяснимы, их следует рассматривать как своеобразный переход от сказки, навеянной религиозными мифами, к реальности. Сам поэт не раз указывал на эту закономерность. В предисловии к однотомнику своих

произведений (январь 1924 г.) Есенин писал: «Самый щекотливый этап — это моя религиозность, которая очень отчетливо отразилась на моих ранних произведениях. Этот этап я не считаю творчески мне принадлежащим. Он есть условие моего воспитания и той среды, где я вращался в первую пору моей литературной деятельности... Я просил бы читателей относиться ко всем моим Исусам, божьим матерям и Миколом, как к сказочному в поэзии» (IV, 225—226). Об этом же говорится и в автобиографии 1925 года: «От многих моих религиозных стихов и поэм я бы с удовольствием отказался, но они имеют большое значение как путь поэта до революции» (V, 22).

Привлекала в ранних стихах Есенина другая черта — она становилась все более доминирующей в его творчестве — это широта взглядов, мятежный и вольнолюбивый дух поэта. В творчество Есенина ворвалась сама народно-песенная стихия, свист ветра, шум дождя, «чувственная вьюга» поколения, шедшего навстречу революции.

Поэт повел читателя в давно, казалось бы, знакомый и обжитый мир природы, деревенской русской жизни своим путем — путем овеянного населявший этот мир предметов, очеловечивания всего живого и неживого. Метафора в стихах Есенина засверкала новыми гранями. И тогда явились нам в облике земных обитателей «осень — рыжая кобыла»; «ягненок кудрявый — месяц»; «схимник — ветер»... Природа, ее образы, звуки, краски — все пришло в движение: «задымился вечер»; «вызывают в четки ивы»; «вяжут кружево над лесом... облака».

Есенин создавал свой художественно-образный язык не обособленно от забот и тревог простого человека-труженика, а в тесной связи с его миропониманием. Не созерцательное любование красотами природы, а боль и страдание пронизывают многие произведения Есенина тех лет.

В стихотворении «Русь», работа над которым совпала с началом первой мировой войны (1914), рассказывается о русской деревне в пору военного лихолетья. Осиротели избы, лишились поля пахарей, опечалены жены и матери в ожидании весточки с фронта.

«Ах, поля мои, борозды милые,
Хороши вы в печали своей!
Я люблю эти хижинки хилые
С поджиданьем седых матерей.

Припаду к лапоточкам берестяным,
Мир вам, грабли, коса и соха!
Я гадаю по взорам невестинкам
На войне о судьбе жениха».

На тему нелегкой крестьянской доли написаны и другие ранние стихи Есенина («Черная, потом пропахшая выть!..», «Заглушила засуха засеки...», «Узоры», «Грустно... Душевные муки...», «Молитва матери»). Они свидетельствуют о том, что для молодого Есенина главным было не идеализация старой деревни с ее патриархальными устоями, не проповедь христианского смирения, как это в прошлом пытались представить его некоторые критики, а протестующее начало. Эта черта его творчества неотделима от общих демократических тенденций, которыми жила передовая русская литература. Она органически впле-

тается в патриотическую лирику Есенина, делает ее более энергичной, более действенной. Как и многие прогрессивные деятели русской культуры, Есенин ненавидел войну. Он тяжело переживал за судьбу своих соотечественников, умиравших на полях империалистической войны. Патриотизм Есенина явился в те годы своеобразной защитной реакцией от влияния на него декадентской поэзии, той охранительной силой, которая помогла ему оставаться самим собой. «Резкое различие со многими петербургскими поэтами в ту эпоху сказалось в том,— вспоминал он позже,— что они поддались воинствующему патриотизму, а я, при всей своей любви к рязанским полям и к своим соотечественникам, всегда резко относился к империалистической войне и к воинствующему патриотизму... У меня даже были неприятности из-за того, что я не пишу патриотических стихов на тему «гром победы, раздавайся», но поэт может писать только о том, с чем он органически связан»¹.

Находясь в Москве, среди своих друзей-суриковцев, Есенин ни на минуту не оставлял мысли о переезде в Петроград, в гущу литературной жизни, которая, как ему представлялось, поможет быстрее выдвинуться. Решение ехать в столицу подогревалось еще и тем, что письма со стихами, отсылаемые в петроградские журналы, возвращались. Есенину казалось, что его не хотят признавать. «Нет, надо самому...— говорил он.— Под лежачий камень вода не течет. Славу надо брать за рога...»²

9 марта 1915 года Есенин приехал в Петроград и прямо с вокзала направился на квартиру Блока. Раздобыв в книжной лавке адрес поэта, Есенин составил записку следующего содержания: «Александр Александрович! Я хотел бы поговорить с Вами. Дело для меня очень важное. Вы меня не знаете, а может быть, где и встречали по журналам мою фамилию. Хотел бы зайти часа в 4. С почтением С. Есенин».

Блок принял Есенина в тот же день. Внимательно просмотрел его стихи и шесть из них отобрал для публикации. В рекомендательных письмах на имя литератора М. П. Мурашова и поэта С. М. Городецкого он просит оказать талантливому «поэту-самородку» всяческое содействие и поддержку. На записке Есенина Блок сделал пометку: «Крестьянин Рязанской губернии, 19 лет, стихи свежие, чистые, голосистые, многословный язык, приходил ко мне 9 марта 1915 года»³.

Есенин не предполагал, что все сложится так благополучно. За короткое время он успел познакомиться с видными деятелями культуры, литературы, искусства. Его стихи появляются на страницах популярных в то время журналов: «Ежемесячный журнал», «Северные записки», «Огонек», «Русская мысль» и др.

Обстановка в Петрограде в те годы была сложной. Шла война. Шовинистический угар, охвативший наиболее реакционные круги русской буржуазии, пагубно сказывался на всей атмосфере общественной жизни и на литературе. Военные неудачи России совпали с острым кризисом всей социально-экономической системы. Революционное

¹ Розанов И. Н. Есенин о себе и о других, с. 22.

² Воспоминания о Сергее Есенине. М., «Московский рабочий», 1965, с. 117.

³ Блок А. Записные книжки. 1901—1920 гг. М., «Художественная литература», 1965, с. 567.

движение в стране нарастало с каждым днем. Политические выступления рабочих, стачки, забастовки, волнения крестьян в деревне стали учащаться, принимать массовый характер. В состоянии всеобщего кризиса находилась и буржуазно-дворянская культура. Литературу и искусство захлестнула волна упадочнических настроений. «Модные» в то время поэты И. Северянин, Ф. Сологуб, Н. Гумилев, Г. Иванов воспевали внутреннюю опустошенность, «бессмыслицу жизни», оправдывали братоубийственную войну.

Есенин не сразу распознал истинное лицо этих (как он метко называет их потом) «иезуитов». Но где-то в глубине души всем своим существом он противился их нравам. «Да, брат, сближение наше с ними невозможно», — писал Есенин своему другу А. В. Ширяевцу 24 июня 1917 года (V, 74).

Есенина больше тянуло туда, где его правильно понимали, где он был свой, — в среду демократическую, крестьянскую.

Горький, познакомившись с Есениным по первым журнальным публикациям, сразу уловил в нем черты поэта чисто русского. «Не та «народность» была по душе Горькому, которая шла от салона Мережковского, Гиппиус и Философова. К чести поэта, он довольно скоро разобрался, что к чему, и разрыв с «Домом Марузи на Литейном» (квартира Мережковских) все же произошел...»¹

В январе 1916 года в издательстве М. В. Аверьянова вышла первая книга стихов Есенина — «Радунница». Поэт включил в нее стихотворения под общим названием «Русь», а также лирические миниатюры, озаглавленные «Маковые побаски».

Наряду с картинами родной природы, крестьянского быта здесь широко представлены образы, взятые из Библии и церковного обихода. О действительных процессах, проходивших в то время в деревне: о разорении крестьянства капитализмом, о непримиримых классовых противоречиях, о нарастании протеста и революционных настроений в среде трудового крестьянства — в книге ничего не говорится. Некоторые стихи с ярко выраженной социальной тематикой («Кузнец», «Поэт») Есенин, видимо, сознательно не включил в книгу, потому что в границах определенной идейно-тематической целостности они показались ему лишними, лишенными внутренней связи с общей тональностью книги. Но тогдашний читатель, особенно горожанин, нашел в книге Есенина другое, то, что понять можно не разумом, а только чувством, — красоту родной земли, ее запахи, краски... «Усталый, пресыщенный горожанин, — говорилось в одном из многочисленных откликов на книгу «Радунница», — слушая их (стихи Есенина. — Л. З.), приобщается к забытому аромату полей, бодрому запаху черной, разрыхленной земли, к неведомой ему трудовой крестьянской жизни, и чем-то радостно-новым начинает биться умудренное всякими исканиями и искусами вялое сердце»². В какой-то мере эти слова перекликаются со словами Горького, сказанными им в письме к Ромену Роллану: «Город встретил его с тем восхищением, как обжора встречает землянику в январе»³.

¹ Из письма писателя Вс. Рождественского литературоведу В. Ф. Земскову. «Урал», 1961, № 6, с. 172.

² Цит. по кн.: *Прокрушев Ю. Л.* Сергей Есенин. Поэт. Человек. М., «Просвещение», 1973, с. 135.

³ Горький А. М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 29, с. 458.

Говоря об идейно-эстетических воззрениях Есенина в эти годы, не следует упускать из виду, что поэт находился в окружении людей, самых разных по своим взглядам и убеждениям. Это и декаденты, которые всячески поощряли в нем крестьянский «дух», и демократически настроенные литераторы, видевшие в нем надежду русской литературы, и защитники престола, стремившиеся увести его с истинного пути. В этой «пестрой толпе» Есенину нелегко было разобраться. Наибольшее влияние в этот период оказали на него поэт Николай Клюев, с которым его свел в первые же месяцы пребывания в Петрограде Городецкий, и литератор народнического толка Р. Иванов-Разумник. Первый был близок Есенину своей приверженностью к старине, второй — проповедью «внеклассового», «мужицкого» социализма. Если с Клюевым у Есенина складывались отношения как равного с равным и он был для него более или менее ясен, то в Иванове-Разумнике Есенин видел своего идейного наставника, перед которым он «не лгал, не выдумывал себя» (V, 75). Можно предполагать, что некоторые произведения 1917—1918 годов написаны Есениным под воздействием его «народнических» взглядов...

С выходом первой книги Есенин связывал большие надежды. Но тут произошло событие, которое изменило все его планы, — его призвали на военную службу. Около года пробыл он в Царском Селе в качестве санитаря при военно-полевом поезде.

Есенин часто находился в поездках. Побывал в Константинове, Москве, Вологде, Архангельске, на Соловках. Увиденное и пережитое дало ему богатый материал для новых произведений.

Октябрьскую революцию Есенин встретил, по словам его друга П. Орещина, «восторженно», хотя осознать ее сущность, ее значение для судеб многомиллионного русского крестьянства он не смог. Отсюда частые срывы, мучительные раздумья о том, «куда ведет нас рок событий».

В первые послеоктябрьские годы Есенин — весь в творческих поисках. Новая литература нуждалась тогда в новых формах и способах выражения. Не случайно в ряде произведений тех лет (у Блока, Д. Бедного, Маяковского) на передний план выступают гипербола, космическая широта, размах. Художник внимательный, чуткий, Есенин не остался в стороне от этих требований эпохи. В своих стихотворениях и поэмах тех лет («Преображение», «Иорданская голубица», «Инония», «Небесный барабанщик», «Пантократор» и др.) он полон мятежного духа, борения. Он объявляет войну богу, церкви, прославляет революцию как вселенское «вихревое» начало, которое спасет мир.

«Время мое пришло,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело
Выплываю изо рта.

.....
Протянусь до незримого города,
Млечный прокушу покров.
Даже богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов».

(«Инония»)

«Сойди, явись нам, красный конь!
Впрыгись в земли оглобли.

Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.

Мы радугу тебе — дугой,
Полярный круг — на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную».

(«Пантократор»)

Поэт не связывает больше свои думы о народе с представлениями о его пассивности и смирении. Строки его теперешних стихов пронизаны романтическим пафосом, предчувствием близких перемен. Они вызывают к подвигу, героизму:

«Солдаты, солдаты, солдаты —
Сверкающий бич над смерчком.
Кто хочет свободы и братства,
Тому умирать нипочем».

(«Небесный барабанщик»)

В этих стихах еще нет той конкретности, которая характерна для поздних произведений Есенина. Революция рисуется в них в формах довольно обобщенных, новое содержание заключено в оболочку старых, мифических, утопических представлений о человеке. В ряде мест язык перегружен церковной лексикой, что делает его не вполне ясным, определенным. Так, из всего стихотворения «Иорданская голубица» широкий читатель отобрал главное — лирическое признание поэта, свидетельствующее о революционном направлении его творчества:

«Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик».

В целом же это был важный этап в идейном и творческом становлении поэта. Это был рубеж, положивший начало рождению Есенина как советского поэта, сливший его патриотического чувства с волей революционных масс. На этом этапе Есенин многое передумал, пересмотрел в своем творчестве. Еще вчера он благоговел перед Клюевым, прислушивался к его голосу. А теперь «избяные песни» «старика» ему кажутся смешными. Пройдет еще два года, и в письме А. В. Ширяевцу о «дне вчерашнем» будет сказано более определенно: «...Брось ты петь эту стилизационную клюевскую Русь с ее несуществующим Китежом... Жизнь, настоящая жизнь нашей Руси куда лучше застывшего рисунка старообрядчества» (V, 86). Горячее желание глубже познать действительность, принять участие в строительстве новой культуры приводит его к пролетарским поэтам. Вместе с М. Герасимовым и С. Клычковым он создает «Кантату», которая исполнялась 7 ноября 1918 года на Красной площади. В соавторстве с этими же поэтами, при участии Н. Павлович Есенин пишет киносценарий «Зовущие зори». Иным представляется ему в эти годы село. Поэт как бы заново переживает чувство влюбленности в свой край и вдохновляется на

создание светлой, жизнерадостной лирики («О верю, верю, счастье есть!..», «Я по первому снегу бреду...», «Зеленая прическа...», «Закружилась листва золотая...» и др.).

В многочисленной литературе о Есенине и поныне бытует точка зрения, будто бы «непостоянств» Есенина, его «ошибки», «заблуждения» и пр. происходят из его личности. В действительности же, если речь идет о противоречиях в мировоззрении и творчестве поэта, они есть результат тех сложных и противоречивых условий, в которых находилось советское крестьянство в годы гражданской войны и послевоенного строительства. Трудности, переживаемые деревней (и не только деревней, а и всей страной) в период военной интервенции и последовавшей за ней разрухи, нередко истолковывались тогда (особенно людьми, далекими от политики) как крушение надежд, как отступление, которое несет неслыханные бедствия. Есенину, хорошо знавшему жизнь села и близко к сердцу принимавшему все его беды, картина представлялась более мрачной. Ему казалось, что по мере развития революции крестьянство лишается своей жизненной опоры. Город с его технической оснащенностью пытается поработить деревню, лишить ее самобытности... В лирику Есенина начинают проникать нотки пессимизма, отчаяния. Они наглядно обнаруживают себя в тех произведениях, где Есенин стремится показать столкновение мира старого, уходящего с явлениями нового («Сорокоуст», «Я последний поэт деревни...», «Сторона ль ты моя, сторона!..», «Мир таинственный, мир мой древний...», «Не ругайтесь. Такое дело!..»). Мотивы грусти сочетаются в них с явным неприятием врывающихся в привычную обстановку деревенской жизни различного рода технических новшеств.

«Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Город, город! ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами даваясь».

Легко ощутимы здесь интонации растерянности, беспокойства... Так бывало, когда Есенин писал о потерях. Но стоило ему пристальнее приглядеться к бурным явлениям жизни, как его лира озарилась иным светом. Поэт начинает осознавать неизбежность и необходимость преобразования дедовской деревни на индустриальной основе.

Характерно в этом отношении сравнение красногривого жеребенка с паровозом в поэме «Сорокоуст».

«Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?»

Есенин в эти годы внимательно следит за развитием советской литературы, активно участвует в поэтических диспутах, охотно выступает в больших аудиториях, ищет, хотя и не всегда успешно, новые формы отражения действительности.

В начале 1919 года в целях создания «нового образа» Есенин при­мыкает к поэтам-имажинистам (А. Мариенгофу, В. Шершеневичу и другим) и вместе с ними выпускает манифест, в котором провозглашаются основные принципы их школы: образ — самоцель, искусство — есть форма, содержание — одна из частей формы... Имажинизм — обычная формалистическая школа, отголосок дореволюционного буржуазного декаданса, его остаточных явлений, которые имели место в России в первые годы революции. Есенин скоро понял, что с имажинистами ему не по пути, и уже весной 1921 года в статье «Быт и искусство» писал: «Собратьям моим кажется, что искусство существует только как искусство. Вне всяких влияний жизни и ее уклада... Но да простят мне мои собратья, если я им скажу, что такой подход к искусству слишком несерьезный... У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова, поэтому у них так и несогласовано все. Поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния» (IV, 202, 208). Однако связь с имажинистами (совместные выступления, организация быта, проведение в жизнь программных установок) не прошла для Есенина бесследно. Она оставила в нем глубокую душевную травму, обострила его нездоровый интерес к божественной стороне жизни, закрепила за ним дурную славу поэта-«скандалиста». Поэтическим выражением этой связи явились некоторые стихотворения цикла «Москва кабацкая» («Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» и др.). Вместе с тем у нас нет оснований преувеличивать влияние имажинизма на Есенина, ибо Есенин был шире этой школы и уже в самом начале перешагнул ее границы. «Считаю, что поэт и не может держаться определенной какой-нибудь школы,— писал он в автобиографии 1924 года.— Это его связывает по рукам и ногам. Только свободный художник может принести свободное слово» (V, 19). Наглядным подтверждением этих слов поэта может служить его крупнейшее произведение «имажинистского» периода — историческая драма в стихах «Пугачев». Согласно первоначальному замыслу она должна была охватывать большой исторический период, разрешить сомнения поэта относительно роли крестьянских движений в историческом процессе, ответить на главный вопрос современности: каковы пути развития крестьянства в послеоктябрьскую эпоху. Но в процессе работы, как это нередко случается

у крупных, самобытных художников, многое изменилось. Постепенно центр действия переместился с исторических событий на психологию отдельной личности. Исповедальная форма стала главной, определяющей, она как бы вместила в себя все содержание драмы...

Достоинства «Пугачева» проявились не только в отдельных характеристиках, но и в целомом взгляде автора на человека как творца истории. Пугачев в понимании Есенина — это воплощение народного героизма, патриотизма, веры в святое дело борьбы с угнетателями. Вопрос о причинах поражения крестьянского восстания в драме не ставится. Но Есенин умело подводит читателя к пониманию ее логического конца: трагизм положения восставшего народа объясняется тем, что исторические условия для его окончательной победы еще не созрели.

В «Пугачеве» с новой яркой силой раскрылось блестящее лирическое дарование Есенина. Оно знаменовало выход поэта к классическим формам, к созданию высоких образцов реалистического искусства.

Весной 1921 года в личной жизни Есенина произошла перемена: он вступает в брак со знаменитой американской танцовщицей Айседорой Дункан и отправляется с ней (в мае 1922 г.) в заграничную поездку. Они побывали почти во всех странах Европы и в США.

Поэт жаждал увидеть индустриальную мощь Запада. Он представлялся ему образцом цивилизации, культуры, «обширнейшим рынком распространения наших идей...». Но при первом же столкновении с буржуазной действительностью последовало горькое разочарование. Его письма в Россию полны возмущения «ужаснейшим царством мещанства», бездуховностью жизни, отсутствием всякого интереса к искусству. «...Теперь отсюда я вижу: боже мой! до чего прекрасна и богата Россия в этом смысле...» (V, 110). «Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод... зато у нас есть душа, которую здесь сдали за ненадобностью в аренду под смердяковщину» (V, 109). «Только за границей я понял совершенно ясно,— сказал он в интервью одному зарубежному корреспонденту,— как велики заслуги русской революции, спасшей мир от безнадежного мещанства»¹.

Вдали от родины поэт острее почувствовал необходимость революционных преобразований, вспомнил про свою «деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами», вспомнил после германских и бельгийских шоссе наши непролазные дороги и стал ругать всех цепляющихся за Русь... (IV, 159).

Зарубежная поездка, таким образом, ускорила идейно-творческое созревание поэта.

Вернувшись из-за границы (в августе 1923 г.), Есенин по-другому стал смотреть на свою страну и на задачи своего собственного творчества. Иную, «коммуной вздыбленную Русь» хочет воспевать теперь Есенин. Уже в «Стране негодяев», поэтической драме, написанной под непосредственным впечатлением заграничной поездки, наметилась программа его будущего творчества.

Не скрывая своей ненависти к буржуазному обществу, Есенин бичует его гневными словами, видит единственный путь избавления от

¹ Цит. по кн.: *Наумов Е. Сергей Есенин. Личность. Творчество.* Эпоха. Лениздат, 1969, с. 267.

всех его зол — путь русской революции. «...Я еще больше влюбился в коммунистическое строительство,— писал он в очерке «Железный Миргород».— Пусть я не близок коммунистам, как романтик в моих поэмах,— я близок им умом и надеюсь, что буду, быть может, близок и в своем творчестве» (IV, 159—160).

1924—1925 годы — период расцвета творчества Есенина. На этом, завершающем этапе своего развития он вплотную приблизился к социалистическому реализму, стал «певцом и гражданином... в великих штатах СССР».

Трудно перечислить все написанное Есениным в эти годы, выделить что-то главное. Все в одинаковой степени прекрасно и неподражаемо: песни, стихи, баллады, поэмы, произведения эпистолярного жанра. Это и «Возвращение на родину», и «Русь советская», и «Русь уходящая», письма матери, деду, любимой женщине...

Потребность воспеть героическую эпоху революции и гражданской войны побуждает Есенина на создание произведений крупного, лирико-эпического жанра — «Баллады о двадцати шести», «Песни о великом походе», поэмы «Анна Снегина». Широкое использование в них фольклора, народных песенных мотивов, лирическая мягкость, задушевность в сочетании с драматизмом лиц, событий поднимает эти произведения на уровень высоких образцов революционного искусства.

Особым светом согрета у Есенина тема вождя и революции. К осуществлению замысла воссоздать незабываемые черты облика В. И. Ленина поэт готовился давно. Но только теперь он ощутил необходимость выразить то, что долгие годы носил в самом себе. В незаконченной поэме «Гуляй-поле» (1924) Есенин рисует Ленина как «сурового гения» эпохи, обладавшего «мощным словом», «сумевшего потрясть... шар земной», повести «нас всех к истокам новым». Суровость ленинского гения сливается с гигантской организаторской работой масс, революционной закалкой, дисциплиной. Она не противоречит высоким человеческим качествам Ленина, который «глядел скромней из самых скромных», был «застенчивым, простым и милым».

«Он нам сказал: «Чтоб кончить муки,
Берите всё в рабочьи руки.
Для вас спасенья больше нет —
Как ваша власть и ваш Совет».

.

Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

Для них не скажешь:
«Л е н и н у м е р!»
Их смерть к тоске не привела.

.

Еще суровой и угрюмой
Они творят его дела...»

Вот об этой органической связи Ленина с народом, об интернациональном значении ленинского учения говорится и в других про-

изведениях: «Капитан земли», «Стансы», «Письмо к женщине», «Анна Снегина» и т. д. Образ Ленина прочно вошел в творчество поэта.

Поездки по стране, стремление рассказать о великих свершениях народа, коммунистов-ленинцев способствовали знакомству Есенина с видными партийными деятелями — С. М. Кировым, М. В. Фрунзе, сотрудничеству поэта в партийной прессе. На редкость плодотворным было пребывание Есенина на Кавказе (осень 1924 г. и с некоторыми перерывами первая половина 1925 г.). Там им были написаны великолепные стихи, составившие впоследствии книгу «Персидские мотивы», а также лебединая песня поэта — поэма «Анна Снегина».

Никогда Есенин не писал так много, так ярко и вдохновенно, как в эти последние два года своей жизни. Стих его стал прост, ясен, искрометен. Богатство образов, их идейно-тематическое многообразие, глубина, размах — все это ставит Есенина в ряд с выдающимися представителями классической поэзии.

В одном из своих стихотворений Есенин писал: «Я сердцем никогда не лгу...» И в самом деле, о чем бы ни писал поэт, все шло от его внутреннего чувства, его глубоких раздумий о судьбах родины, о своей собственной жизни.

Среди множества его лирических произведений заметно выделяются стихи сугубо личного плана — интимная лирика. В них, наряду с радостным восприятием мира, ненасытным чувством любви к жизни («Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!» Я скажу: «Не надо рая, дайте родину мою»; «Я более всего весну люблю. Люблю разлив стремительным потоком...»; «Как прекрасна земля и на ней человек...»), дают о себе знать, начиная с первых шагов творчества, мотивы грусти. Тема душевной боли о том, «что не сбылось», стала развиваться в них по нарастающей линии. К сожалению, о быстротечности жизни, об уходящей молодости прибавлялось предчувствие скорого увядания, приближающейся смерти. В большей степени эти чувства обострились в последний год жизни поэта, в связи с ухудшением здоровья и неустойчивым бытом. Все чаще стала звучать трагическая нота прощания с жизнью: «Цветы мне говорят — прощай, головками склоняясь ниже...»; «Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай! Хладеет кровь, ослабевают силы...» Обращение к другу, не к кому-то конкретно, а вообще — к человеку, хорошему, дорогому, который бы до конца его понял, помог разделить его беды, носит символический характер: «Друг мой, друг мой, я очень и очень болен. Сам не знаю, откуда взялась эта боль» («Черный человек»); «До свиданья, друг мой, до свиданья. Милый мой, ты у меня в груди» (последнее стихотворение). Оно лишний раз свидетельствует, что из того круга московских «друзей», которые как тень следовали за поэтом, мало кто подходил для этой благородной миссии.

В конце декабря 1925 года Есенин переезжает в Ленинград и в ночь с 27 на 28 декабря кончает жизнь самоубийством. О причинах смерти Есенина писалось много. Они объясняются не только свойствами его натуры, но и обстоятельствами жизни, в которых он развивался как человек и поэт. «Мы потеряли великого русского поэта»¹, — сообщал А. М. Горький 7 февраля 1926 года бельгийскому

¹ Переписка Горького с зарубежными литераторами. М., 1960, с. 99.

писателю Францу Элленсу. То же чувство горечи выразил в своем отклике на смерть Есенина А. Н. Толстой: «Погиб величайший поэт... Его поэзия есть как бы разбрасывание обеими пригоршнями сокровищ его души»¹.

В те годы, когда жил Есенин, А. Блок писал в статье «Краски и слова»: «Душа писателя поневоле заждалась среди абстракций, загрузила в лаборатории слов.

Тем временем перед слепым взором ее бесконечно преломлялась цветовая радуга. И разве не выход для писателя — понимание зрительных впечатлений, умение смотреть? Действие света и цвета освободительно...»².

Можно подумать, что это было написано о Есенине. На его папире почти не встретишь смешения красок и полутонов, какие часты у символистов (у Белого, Сологуба и других).

Краски Есенина яркие. Это может показаться удивительным, так как тональность многих лирических стихов Есенина грустная.

Природа у Есенина полна жизни: все поет, звенит, переливается разными голосами: «звонкий мрамор белых лестниц» (I, 82), «В роще по березкам белый перезвон» (I, 105), «И в счастье ближнего поверить в звенящей рожью борозде» (I, 107), «А у низеньких околиц звонно чахнут тополя» (I, 116), «Хвойной позолотой взвенивает лес» (I, 130), «И по кустам звенит капель росы холодной и целительной» (I, 156), «Весенний день звенит над конским ухом» (I, 176).

Эпитет — «звонкий мрамор», «белый перезвон», «звенящей рожью» — казалось бы, не созвучен с определяемым словом, но Есенин использует его для усиления передачи настроения, переживания.

Например, отчаяние, горе собаки, потерявшей семерых щенят, автор передает таким образом: «В синюю высь звонко глядела она, скуля» (I, 179).

В годы 1917—1918-е вместе с Октябрьской революцией, вместе с переменами в личной жизни поэта в его стихи входит радость. Он благодарит свою музу-«рвнивицу» за то, что она влила в его грудь светлый праздник.

«Теперь бы брызнуть в небо
Вишневым соком стих
За отческую щедрость
Наставников твоих» (II, 30).

Обращает на себя внимание цветопись этих стихов. Эти краски: золотые, синие, розовые, красные.

Разные цвета у Есенина не просто являются эпитетами и прилагательными, они как бы расцвечивают описываемый предмет в разные цвета спектра.

«Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок.
Где ты, где ты, отчий дом?

¹ Толстой А. Н. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. 13, с. 299.

² Блок А. Соч. в 2-х т., т. 2. М., ГИХЛ, 1955, с. 10.

* * * * *

Этот дождик с сонмом стрел
В тучах дом мой завертел,
С и н и й подкосил цветок,
З о л о т о й примял песок,
Этот дождик с сонмом стрел». (II, 22—23).

Примечательной особенностью есенинской лирики является ее певучесть. Стилевая внутренняя организация его стихов как бы зовёт к песне. Они музыкальны, богаты гармоническими гласными. И это составляет характерную черту есенинского поэтического почерка. Красивая образность, яркость эпитетов, тонкость восприятия — все это словно притягивает к себе читателя.

Еще при жизни Есенина, в 1920 году, композитор Д. Васильев-Буглай написал песню на слова раннего стихотворения Есенина «Сыплет черемуха снегом» (1910). Это стихотворение, как и многие другие есенинские стихи, подкупает задушевностью, искренностью, лиризмом.

В 1926 году появляется уже одиннадцать песен и романсов, написанных на слова Есенина. Среди них: «Прощальное письмо», «Есть одна хорошая песня у соловушки», «Мелколесье. Степь и дали», «Не жалею, не зову, не плачу», «Я снова здесь, в семье родной», «Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха».

Стихи Есенина отличаются тем полногласием, которое характерно и для стихов Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова и других поэтов. И все-таки не только полногласие и органическая мелодика определили песенность лирических стихов Есенина, но и содержание, их внутренний смысл.

* * *

На протяжении всего своего творческого пути и особенно в последние годы Есенин жадно тянулся к творческому наследию А. С. Пушкина. В 1924 году он пишет: «Пушкин — самый любимый мною поэт. С каждым годом я воспринимаю его все больше и больше как гения страны, в которой я живу... Постичь Пушкина — это уже нужно иметь талант. Думаю, что только сейчас мы начинаем осознавать стиль его словесной походки» (IV, 228).

У Пушкина Есенин учился простоте и ясности поэтической формы, выразительности и точности словесного рисунка, умению воссоздавать в нем всю полноту жизни и природы. И не только у Пушкина.

Источником поэтического вдохновения «Персидских мотивов» были не только реальные кавказские впечатления, живые и яркие, без которых Есенину вряд ли удалось бы заставить в полную силу зазвучать новую доселе струну своего творчества — «русский стих кизилowym струиться соком», а также встречи с интересными людьми, знавшими искусство Востока, и конечно же произведения русских классиков и раннеклассических поэтов древнего Востока: Рудаки, Фирдоуси, Омара Хайяма, Саади, Хафиза и других.

На протяжении сравнительно небольшого творческого пути Есенин испытал свои силы почти во всех поэтических жанрах — от частушки и песни до баллады и драматической поэмы. Но главный вклад в сокровищницу советской поэзии он внес все-таки своей ли-

рикой. В ней больше, чем в повествовательных жанрах, обозначилась его близость к классике. Используя богатейшее наследие народной поэзии, сочетая все лучшее в ней с достижениями мировой поэтической культуры, Есенин достигает в своей лирике высокого совершенства.

Это определило место Есенина в русской советской поэзии рядом с именами А. Блока и В. Маяковского. К великим поэтическим открытиям века Сергей Есенин прибавил свое особое лирическое постижение чувств, душевных смятений, радостей и надежд нового человека, строителя социализма.

Л. ЗАНКОВСКАЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.

От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечки.

И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мертвой колотушкой.

1910

* * *

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

1910

* * *

Поет зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
 Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
 Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
 Но больно холодна.
Воробьишки игривые,
Как детки сиротливые,
 Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
 И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
 И злится все сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
 У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
 Красавица весна.

1910

ПОДРАЖАНИЕ ПЕСНЕ

Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В пряже солнечных дней время выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоронить.

И под плач панихид, под кадилный канон,
Все мне чудился тихий раскованный звон.

1910

* * *

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы,—
Я одурманен весной.

Радуют тайные вести,
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

1910

КАЛИКИ

Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церковей пред затворами древними
Поклонялись пречистому Спасу.

Пробирались странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Иисусе.
Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.

Ковыляли убогие по стаду,
Говорили страдальные речи:
«Все единому служим мы господу,
Возлагая вериги на плечи».

Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешливо:
«Девки, в пляску! Идут скоморохи!»

1910

* * *

Темна ноченька, не спится,
Выйду к речке на лужок.
Распоясала зарница
В пенных струях поясок.

На бугре береза-свечка
В лунных перьях серебра.
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гуслияра!

Залуюбуюсь, загляжусь ли
На девичью красоту,
А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фату.

В терем темный, в лес зеленый,
На шелковы купыри,
Уведу тебя под склоны
Вплоть до маковой зари.

1911

* * *

Хороша была Танюша, краше не было в селе,
Красной рюшкой по белу сарафан на подоле.
У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру,
Месяц в облачном тумане водит с тучами игру.

Вышел парень, поклонился кучерявой головой:
«Ты прощай ли, моя радость, я женюсь на другой».
Побледнела, словно саван, схолодела, как роса.
Душегубкою-змеею развилась ее коса.

«Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу,
Я пришла тебе сказать: за другого выхожу».
Не заутренние звоны, а венчальный переклик,
Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.

Не кукушки загрустили — плачет Танина родня,
На виске у Тани рана от лихого кистеня.
Алым венчиком кровинки запеклися на челе,—
Хороша была Танюша, краше не было в селе.

1911

* * *

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Выходи встречать к околице, красотка, жениха.

Васильками сердце светится, горит в нем бирюза.
Я играю на тальяночке про синие глаза.

То не зори в струях озера свой выткали узор,
Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул
за косогор.

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Пусть послушает красавица прибаски жениха.

1910—1912

* * *

Матушка в Купальницу по лесу ходила,
Босая, с подтыками, по росе бродила.

Травы ворожбиные ноги ей кололи,
Плакала родимая в купырях от боли.

Не дознамо печени судорга схватила,
Охнула кормилица, тут и породила.

Родился я с песнями в травном одеяле.
Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Только не по совести счастье наготове,
Выбираю удалью и глаза и брови.

Как снежинка белая, в просини я таю
Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

1912

БЕРЕЗА

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежную каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

1913

КУЗНЕЦ

Душно в кузнице угрюмой,
И тяжел несносный жар,
И от визга и от шума
В голове стоит угар.
К наковальне наклоняясь,
Машут руки кузнеца,
Сетью красной рассыпаясь,
Вьются искры у лица.
Взор отважный и суровый
Блещет радугой огней,
Словно взмах орла, готовый
Унести за даль морей...
Куй, кузнец, рази ударом,
Пусть с лица струится пот.
Зажигай сердца пожаром,
Прочь от горя и невзгод!
Закали свои порывы,
Преврати порывы в сталь
И лети мечтой игривой
Ты в заоблачную даль.
Там вдали, за черной тучей,
За порогом хмурых дней,
Реет солнца блеск могучий
Над равнинами полей.
Тонут пастбища и нивы
В голубом сиянье дня,
И над пашнею счастливо
Созревают зеленыя.
Взвейся к солнцу с новой силой,
Загорись в его лучах.
Прочь от робости постылой,
Сбрось скорей постыдный страх.

1914

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы.
Шелестят зеленые сережки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

1914

* * *

Зашумели над затоном тростники.
Плачет девушка-царевна у реки.

Погадала красна девица в семик.
Расплела волна венки из повилики.

Ах, не выйти в жены девушке весной,
Запугал ее приметами лесной.

На березке пообъедена кора,—
Выживают мыши девушку с двора.

Бьются кони, грозно машут головой,—
Ой, не любит черны косы домовой.

Запах ладана от рожи ели льют,
Звонки ветры панихидную поют.

Ходит девушка по бережку грустна,
Ткет ей саван нежнопенная волна.

1914

* * *

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

По меже, на переметке,
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы — кроткие монашки.

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

1914

В ХАТЕ

Пахнет рыхлыми драченами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою,
В печке нитки попелиц,
А на лавке за солонкою —
Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,

На дворе обедню стройную
Запевают петухи.

А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.

1914

* * *

По селу тропинкой кривенькой
В летний вечер голубой
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой гурьбой.

Распевали про любимые
Да последние деньки:
«Ты прощай, село родимое,
Темна роща и пеньки».

Зори пенились и таяли.
Все кричали, пяча грудь:
«До рекрутства горе маяли,
А теперь пора гульнуть».

Размахнув кудрями русыми,
В пляс пускались весело.
Девки брякали им бусами,
Зазывали за село.

Выходили парни бравые
За гуменные плетни,
А девчоночки лукавые
Убегали,— догони!

Над зелеными пригорками
Развевались платки.
По полям бредя с кошелками,
Улыбались старики.

По кустам, в траве над лыками,
Под пугливый возглас сов,
Им смеялась роща зыками
С переливом голосов.

По селу тропинкой кривенькой,
Ободравшись о пеньки,
Рекрута играли в ливенку
Про остальные деньки.

1914

* * *

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

1914

* * *

Я — пастух; мои палаты —
Межи зыбистых полей,

По горам зеленым — скаты
С гарком гулких дупелей.

Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака.
В тихой дреме под навесом
Слышу шепот сосняка.

Светят зелено в сутёмы
Под росую тополя.
Я — пастух; мои хоромы —
В мягкой зелени поля.

Говорят со мной коровы
На кивливом языке.
Духовитые дубровы
Кличут ветками к реке.

Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья.
Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.

1914

* * *

Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях гниль опенок.
Пляшет ветер по равнинам,
Рыжий ласковый осленок.

Пахнет вербой и смолою.
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналя
Воробей псалтырь читает.

Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов — как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели
И кричат ему: «Осанна!»

1914

* * *

Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь,
Сенокос некошенный,
Лес да монастырь.

Избы забоченились,
А и всех-то пять.
Крыши их запенились
В заревую гать.

Под соломой-ризою
Выструги стропил,
Ветер плесень сизую
Солнцем окропил.

В окна бьют без промаха
Вороны крылом,
Как метель, черемуха
Машет рукавом.

Уж не сказ ли в прутнике
Жисть твоя и былль,
Что под вечер путнику
Нашептал ковыль?

1914

* * *

Черная, потом пропахшая выть!
Как мне тебя не ласкать, не любить?

Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет благодать.

Серым веретьем стоят шалаши,
Глухо баюкают жлюпь камыши.

Красный костер окровил таганы,
В хворосте белые веки луны.

Тихо, на корточках, в пятнах зари
Слушают сказ старика косари.

Где-то вдали, на кукане реки,
Дремную песню поют рыбаки.

Оловом светится лужная голь...
Грустная песня, ты — русская боль.

1914

* * *

Топа да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.

Тенькает синица
Меж лесных кудрей,
Темным елям снится
Гомон косарей.

По лугу со скрипом
Тянется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колес.

Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!..

1914

РУСЬ

1

Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.

Только видно, на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса.

Воют в сумерки долгие, зимние,
Волки грозные с тощих полей.
По дворам в погорающем инее
Над застрехами храп лошадей.

Как совиные глазки, за ветками
Смотрят в шали пурги огоньки.
И стоят за дубровными сетками,
Словно нечисть лесная, пеньки.

Запугала нас сила нечистая,
Что ни прорубь — везде колдуны.
В злую заморозь в сумерки мгlistые
На березках висят галуны.

2

Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что — разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

Я люблю над покосной стоянкою
Слушать вечером гуд комаров.
А как гаркнут ребята тальянкою,
Выйдут девки плясать у костров.

Загорятся, как черна смородина,
Угли-очи в подковах бровей,
Ой ты, Русь моя, милая родина,
Сладкий отдых в шелку купырей.

3

Понакаркали черные вороны:
Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все стороны,
Машет саваном пена с озер.

Грянул гром, чашка неба расколота,
Тучи рваные кутают лес.
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небес.

Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну.
Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину.

Собирались мирные пахари
Без печали, без жалоб и слез,
Клали в сумочки пышки на сахаре
И пихали на кряжистый воз.

По селу до высокой околицы
Провожал их огулом народ...
Вот где, Русь, твои добрые молодцы,
Вся опора в годину невзгод.

4

Затомилась деревня невесточкой —
Как-то милые в дальнем краю?
Отчего не уведомят весточкой, —
Не погибли ли в жарком бою?

В роще чудились запахи ладана,
В ветре бластились стуки костей.
И пришли к ним неожиданно-негаданно
С дальней волости груды вестей.

Сберегли по ним пахари памятку,
С потом вывели всем по письму.
Подхватили тут родные грамотку,
За ветловую сели тесьму.

Собрались над четницей Лушею
Допытаться любимых речей.
И на корточках плакали, слушая,
На успехи родных силачей.

Ах, поля мои, борозды милые,
 Хороши вы в печали своей!
 Я люблю эти хижины хилые
 С поджиданьем седых матерей.

Припаду к лапоточкам берестяным,
 Мир вам, грабли, коса и соха!
 Я гадаю по взорам невестиным
 На войне о судьбе жениха.

Помирился я с мыслями слабыми,
 Хоть бы стать мне кустом у воды.
 Я хочу верить в лучшее с бабами,
 Тепля свечку вечерней звезды.

Разгадал я их думы несметные,
 Не спугнет их ни гром и ни тьма.
 За сохою под песни заветные
 Не причудится смерть и тюрьма.

Они верили в эти каракули,
 Выводимые с тяжким трудом,
 И от счастья и радости плакали,
 Как в засуху над первым дождем.

А за думой разлуки с родимыми
 В мягких травах, под бусами рос,
 Им мерещился в даях за дымами
 Над лугами веселый покос.

Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
 Лишь к тебе я любовь берегу.
 Весела твоя радость короткая
 С громкой песней весной на лугу.

1914

* * *

На плетнях висят баранки,
 Хлебной брагой льет теплынь.

Солнца струганые дранки
Загораживают синь.

Балаганы, пни и колья,
Карусельный пересвист.
От вихлистого приволья
Гнутся травы, мнется лист.

Дробь копыт и хрип торговок,
Пьяный пах медовых сот.
Берегись, коли не ловок:
Вихорь пылью разметет.

За лещужною сурьюю —
Бабий крик, как поутру.
Не твоя ли шаль с каймою
Зеленеет на ветру?

Ой, удал и многосказен
Лад веселый на пыжну.
Запевай, как Стенька Разин
Утопил свою княжну.

Ты ли, Русь, тропой-дорогой
Разметала ал наряд?
Не суди молитвой строгой
Напоенный сердцем взгляд.

1915

* * *

В том краю, где желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень.

Там в полях, за синей гущей лога,
В зелени озер,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.

Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нипочем ей страх.

И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.

Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек.

Много зла от радости в убийцах,
Их сердца просты,
Но кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.

Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.

И меня по ветряному свею,
По тому ль песку,
Поведут с веревкою на шее
Полюбить тоску.

И когда с улыбкой мимоходом
Распрямлю я грудь,
Языком залижет непогода
Прожитой мой путь.

1915

КОРОВА

Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгонщик грубый
На перегонных полях.

Сердце неласково к шуму,
Мыши скребут в уголке.
Думает грустную думу
О белоногом телке.

Не дали матери сына,
Первая радость не впрок.

И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок.

Скоро на гречневом сее,
С той же сыновней судьбой,
Свяжут ей петлю на шею
И поведут на убой.

Жалобно, грустно и тоще
В землю вопьются рога...
Снится ей белая роща
И травяные луга.

1915

ТАБУН

В холмах зеленых табуны коней
Сдувают ноздрями золотой налет со дней.

С бугра высокого в синевший залив
Упала смоль качающихся грив.

Дрожат их головы над тихою водой,
И ловит месяц их серебряной уздой.

Храпя в испуге на свою же тень,
Застыть гривами они ждут новый день.

*

Весенний день звенит над конским ухом
С приветливым желаньем к первым мухам.

Но к вечеру уж кони над лугами
Брыкаются и хлопают ушами.

Все резче звон, прилипший на копытах,
То тонет в воздухе, то виснет на ракигах.

И лишь волна потянется к звезде,
Мелькают мухи пеплом по воде.

•

Погасло солнце. Тихо на лужке.
Пастух играет песню на рожке.

Уставясь лбами, слушает табун,
Что им поет вихрастый гамаюн.

А эхо резвое, скользнув по их губам,
Уносит думы их к неведомым лугам.

Любя твой день и ночи темноту,
Тебе, о родина, сложил я песню ту.

1915

ПЕСНЬ О СОБАКЕ

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

1915

ОСЕНЬ

Р. В. Иванову

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень — рыжая кобыла — чешет гриву.

Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным

И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.

1914—1916

* * *

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,

И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.

И вновь вернусь я в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам,
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

1915—1916

* * *

За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягненок кудрявый — месяц
Гуляет в голубой траве.

В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога,—
И кажется с тропы далекой —
Вода качает берега.

А степь под пологом зеленым
Кадит черемуховый дым
И за долинами по склонам
Свивает полымя над ним.

О сторона ковыльной пуши,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей таится гуще
Солончаковая тоска.

И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.

Но и тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири,
И горб Уральского хребта.

1915—1916

* * *

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Всё ж кто выдумал твой гибкий стан и плечи —
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

1915—1916

* * *

Я снова здесь, в семье родной,
Мой край, задумчивый и нежный!
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.

Седины пасмурного дня
Плывут всклокоченные мимо,
И грусть вечерняя меня
Волнует непреодолимо.

Над куполом церковных глав
Тень от зари упала ниже.
О други игрищ и забав,
Уж я вас больше не увижу!

В забвенье канули года,
Вослед и вы ушли куда-то.
И лишь по-прежнему вода
Шумит за мельницей крылатой.

И часто я в вечерней мгле,
Под звон надломленной осоки,
Молюсь дымящейся земле
О невозвратных и далеких.

1915—1916

* * *

Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольню крестится рука.

О Русь — малиновое поле
И синь, упавшая в реку,—

Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

1916

* * *

Гаснут красные крылья заката,
Тихо дремлют в тумане плетни.
Не тоскуй, моя белая хата,
Что опять мы одни и одни.

Чистит месяц в соломенной крыше
Обоймленные синью рога.
Не пошел я за ней и не вышел
Провожать за глухие стога.

Знаю, годы тревогу заглушат.
Эта боль, как и годы, пройдет.
И уста, и невинную душу
Для другого она бережет.

Не силен тот, кто радости просит,
Только гордые в силе живут.
А другой изомнет и забросит,
Как изъеденный сырью хомут.

Не с тоски я судьбы поджидаю.
Будет злобно крутить порошок.
И придет она к нашему краю
Обогреть своего малыша.

Снимет шубу и шали развяжет,
Примостится со мной у огня.
И спокойно и ласково скажет,
Что ребенок похож на меня.

1916

* * *

О красном вечере задумалась дорога,
Кусты рябин туманной глубины.
Изда-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины.

Осенний холод ласково и кротко
Крадется мглой к овсяному двору;
Сквозь синь стекла желтоволосый отрок
Лучит глаза на галочью игру.

Обняв трубу, сверкает по повети
Зола зеленая из розовой печи.
Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгнувшем в ночи.

Кому-то пятками уже не мять по роцам
Щербленный лист и золото травы.
Тягучий вздох, ныряя звоном тощим,
Целует клюв нахохленной совы.

Все гуще хмарь, в хлеву покой и дрема,
Дорога белая узорит скользкий ров...
И нежно охает ячменная солома,
Свисая с губ кивающих коров.

1916

* * *

О товарищах веселых,
О полях посеребренных
Загрустила, словно голубь,
Радость лет уединенных.

Ловит память тонким клювом
Первый снег и первопуток.
В санках озера над лугом
Запоздалый окрик уток.

Под окном от скользких елей
Тень протягивает руки.
Тихих вод парагуш квельый
Курит люльку на излуке.

Легким дымом к дальним пожням
Шлет поклон день ласк и вишен.
Запах трав от бабьей кожи
На губах моих я слышу.

Мир вам, рощи, луг и липы,
Литии медовый ладан!
Все приявшему с улыбкой
Ничего от вас не надо.

1916

ЛИСИЦА

А. М. Ремизову

На раздробленной ноге приковыляла,
У норы свернулася в кольцо.
Тонкой прошвой кровь отмежевала
На снегу дремучее лицо.

Ей все бластился в колючем дыме выстрел,
Колыхалася в глазах лесная топь.
Из кустов косматый ветер взбыстрил
И рассыпал звонистую дробь.

Как желна, над нею мгла металась,
Мокрый вечер липок был и ал.
Голова тревожно подымалась,
И язык на ране застывал.

Желтый хвост упал в метель пожаром,
На губах — как прелая морковь...
Пахло инеем и глиняным угаром,
А в ощур сочилась тихо кровь.

1916

* * *

Проплясал, проплакал дождь весенний,
Замерла гроза.
Скучно мне с тобой, Сергей Есенин,
Поднимать глаза...

Скучно слушать под небесным деревом
Взмах незримых крыл:
Не разбудишь ты своим напевом
Дедовских могил!

Привязало, осаднило слово
Даль твоих времен.
Не в ветрах, а, знать, в томах тяжелых
Прозвенит твой сон.

Кто-то сядет, кто-то выгнет плечи,
Вытянет персты.
Близок твой кому-то красный вечер,
Да не нужен ты.

Всколыхнет он Брюсова и Блока,
Встормошит других.
Но все так же день взойдет с востока,
Так же вспыхнет миг.

Не изменят лик земли напевы,
Не стряхнут листа...
Навсегда твои пригвождены ко древу
Красные уста.

Навсегда простер глухие длани
Звездный твой Пилат.
Или, Или, лама савахфани,
Отпусти в закат.

1916—1917

ТОВАРИЩ

Он был сыном простого рабочего,
И повесть о нем очень короткая.

Только и было в нем, что волосы как ночь
Да глаза голубые, кроткие.

Отец его с утра до вечера
Гнул спину, чтоб прокормить крошку;
Но ему делать было нечего,
И были у него товарищи: Христос да кошка.

Кошка была старая, глухая,
Ни мышей, ни мух не слышала,
А Христос сидел на руках у матери
И смотрел с иконы на голубей под крышею.

Жил Мартин, и никто о нем не ведал.
Грустно стучали дни, словно дождь по железу.
И только иногда за скудным обедом
Учил его отец распевать марсельезу.

«Вырастешь,— говорил он,— поймешь...
Разгадаешь, отчего мы так нищи!»
И глухо дрожал его щербатый нож
Над черствой горбушкой насущной пищи.

Но вот под тесовым
Окном —
Два ветра взмахнули
Крылом;

То с вешнею полымью
Вод
Взметнулся российский
Народ..

Ревут валы,
Поет гроза!
Из синей мглы
Горят глаза.

За взмахом взмах,
Над трупом труп;
Ломает страх
Свой крепкий зуб.

Все взлет и взлет,
Все крик и крик!
В бездонный рот
Бежит родник...

И вот кому-то пробил
Последний, грустный час...
Но верьте, он не сробел
Пред силой вражьих глаз!

Душа его, как прежде,
Бесстрашна и крепка,
И тянется к надежде
Бескровная рука.

Он незадаром прожил,
Недаром мямл цветы;
Но не на вас похожи
Угасшие мечты...

Нечаянно, негаданно
С родимого крыльца
Донесся до Мартина
Последний крик отца.

С потухшими глазами,
С пугливой синью губ,
Упал он на колени,
Обняв холодный труп.

Но вот приподнял брови,
Протер рукой глаза,
Вбежал обратно в хату
И стал под образа.

«Исус, Исус, ты слышишь?
Ты видишь? Я один.
Тебя зовет и кличет
Товарищ твой Мартин!

Отец лежит убитый,
Но он не пал, как трус.

Я слышу, он зовет нас,
О верный мой Иус.

Зовет он нас на помощь,
Где бьется русский люд,
Велит стоять за волю,
За равенство и труд!..»

И, ласково приемля
Речей невинных звук,
Сошел Иус на землю
С неколебимых рук.

Идут рука с рукою,
А ночь черна, черна!..
И пыжится бедою
Седая тишина.

Мечты цветут надеждой
Про вечный, вольный рок.
Обоим нежит вежды
Февральский ветерок.

Но вдруг огни сверкнули..
Залаял медный груз.
И пал, сраженный пулей,
Младенец Иус.

Слушайте:
Больше нет воскресенья!
Тело его предали погребенью:
Он лежит
На Марсовом
Поле.

А там, где осталась мать,
Где ему не бывать
Боле,
Сидит у окошка
Старая кошка,
Ловит лапой луну...

Ползает Мартин по полу:
«Соколы вы мои, соколы,
В плену вы,
В плену!»
Голос его все глуше, глуше,
Кто-то давит его, кто-то душит,
Палит огнем.

Но спокойно звенит
За окном,
То погаснув, то вспыхнув
Снова,
Железное
Слово:
«Ре-эс-пу-у-ублика!»

1917

* * *

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.

С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг.

Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.

И неволью в море хлеба
Рвется образ с языка:

Отелившееся небо
Лижет красного телка.

1917

* * *

О край дождей и непогоды,
Кочующая тишина,
Ковригой хлебною под сводом
Надломлена твоя луна.

За перепаханною нивой
Малиновая лебеда.
На ветке облака, как слива,
Златится спелая звезда.

Опять дорогой верстовою,
Наперекор твоей беде,
Бреду и чую яровое
По голубеющей воде.

Клубит и пляшет дым болотный...
Но и в кошме певучей тьмы
Неизреченностью животной
Напоены твои холмы.

1917

* * *

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в золотой ряднине
Твой Алексей Кольцов.

В руках — краюха хлеба,
Уста — вишневый сок.

И вызвездило небо
Пастушеский рожок.

За ним, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет, одетый светом,
Его середний брат.

От Вытегры до Шуи
Он избраздил весь край
И выбрал кличку — Ключев,
Смиранный Миколай.

Монашья мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной бога
Веду я тайно спор.

Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.

За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.

Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.

Довольно гнить и ноять,
И славить взлетом гнусь —
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

1917

* * *

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

1917

* * *

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок.
Где ты, где ты, отчий дом?

За рекой поет петух.
Там стада стерег пастух,
И светились из воды
Три далекие звезды.
За рекой поет петух.

Время — мельница с крылом
Опускает за селом
Месяц маятником в рожь
Лить часов незримый дождь.
Время — мельница с крылом.

Этот дождик с сонмом стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок,
Золотой примял песок,
Этот дождик с сонмом стрел.

1917—1918

* * *

О пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть,
На сердце день вчерашний,
А в сердце светит Русь.

Как птицы, свищут версты
Из-под копыт коня.
И брызжет солнце горстью
Свой дождик на меня.

О край разливов грозных
И тихих вешних сил,

Здесь по заре и звездам
Я школу проходил.

И мыслил и читал я
По библии ветров,
И пас со мной Исая
Моих золотых коров.

1917—1918

* * *

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

1917—1918

* * *

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.

Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг.

Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз!

Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.

О, лесная, дремучая муть!
О, веселье оснеженных нив!..
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.

1917—1918

* * *

О верю, верю, счастье есть!
Еще и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным
Пророчит благостную весть,
О верю, верю, счастье есть.

Звени, звени, золотая Русь,
Волнуйся, неумный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
Звени, звени, золотая Русь.

Люблю я ропот буйных вод
И на волне звезды сиянье.
Благословенное страданье,
Благословляющий народ.
Люблю я ропот буйных вод.

1917—1918

* * *

Л. И. Кашиной

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?

Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?

Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?

Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил печальный
Твой предосенний шум.

И мне в ответ березка:
«О любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух.

Луна стелила тени,
Сияли зелена.
За голые колени
Он обнимал меня.

И так, вдохнувши глубоко.
Сказал под звон ветвей:
«Прощай, моя голубка,
До новых журавлей».

1918

* * *

Песни, песни, о чем вы кричите?
Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать.

Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звезд учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.

Хорошо в эту лунную осень
Бродить по траве одному
И собирать на дороге колосья
В обнищалую душу-суму.

Но равнинная синь не лечит.
Песни, песни, иль вас не стряхнуть?..
Золотистой метелкой вечер
Расчищает мой ровный путь.

И так радостен мне над пущей
Замирающий в ветре крик:
«Будь же холоден ты, живущий
Как осеннее золото лип».

1918

* * *

Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат.

Здравствуй, золотое затишье,
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.

Стелется синею рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!

1918

КАНТАТА

Спите, любимые братья.
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.

Новые в мире зачатья,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.

Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот...
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ.

1918

НЕБЕСНЫЙ БАРАБАНЩИК

Л. Н. Старку

1

Гей вы, рабы, рабы!
Брюхом к земле прилипли вы.
Нынче луну с воды
Лошади выпили.

Листьями звезды льются
В реки на наших полях.
Да здравствует революция
На земле и на небесах!

Души бросаем бомбами,
Сеем пурговый свист.
Что нам слюна иконная
В наши ворота в высь?

Нам ли страшны полководцы
Белого стада горилл?
Взвихренной конницей рвется
К новому берегу мир.

2

Если это солнце
В заговоре с ними,—
Мы его всей ратью
На штыках подыдем.

Константиново. В этом доме родился и жил Сергей Есенин.
Со 2 октября 1965 г.— мемориальный Дом-музей С. А. Есенина.

Село Константиново. Сергей Есенин
(третий справа). 1909—1910 гг.

Сергей Есенин. 1909—1910 гг.

Константиновское начальное училище, в котором учился Сергей Есенин.

Сергей Есенин в юности.

Сергей Есенин с сестрами Катей (слева) и Шурой.

Татьяна Федоровна и
Александр Никитич Есе-
нины — родители поэта.

Автограф стихотворения
Сергея Есенина «Звезды».

Звезды.

Звездочки ленивые, звезды вальсера!
Что вы угадываете, что скрываете?
Звезды, таежные мысли и чувства,
Силы какими вы душу питаете?
Частыми звездочками звездочки токениа!
Что вы когда прирррррррр, что вы когда могоурило?
Сочны увлечаете, звезды небесная,
Силу великую думания и чувства!
И почему так, когда вы сияете,
Вамите в небо, в облаках широкія?
Сматривите можно также, сердце иексасте,
Звезды небесная, звезды думания!

Есенинъ Сергей.

Поэт

Он вьется... Мылый страшный путь.
В его душе живут виденья.
Ударом мысли вьется грудь,
А плечи выжили сожжены.

Клокочет светлой волосою
Чело волокое в морщинах,
Но явнатыреть его краем
Горит в продуванном Картином.

Сидит он в тусклом чердаке,
Опорок свинки рожет в зорьке,
А Карандаш в его руке
Ведет с ними тайно разговоры.

Он пишет в племно грудейных дум,
Он любит сардуел таты Бемова
И знает шум... думевный шум...
Снесет он завтра за уголоквай.

Сергей Сергеевич.

Автограф стихотворения Сергея Есенина «Поэт».

Сергей Есенин с отцом (слева) и дядей
Иваном Никитичем Есениным.

Есенинские дали.

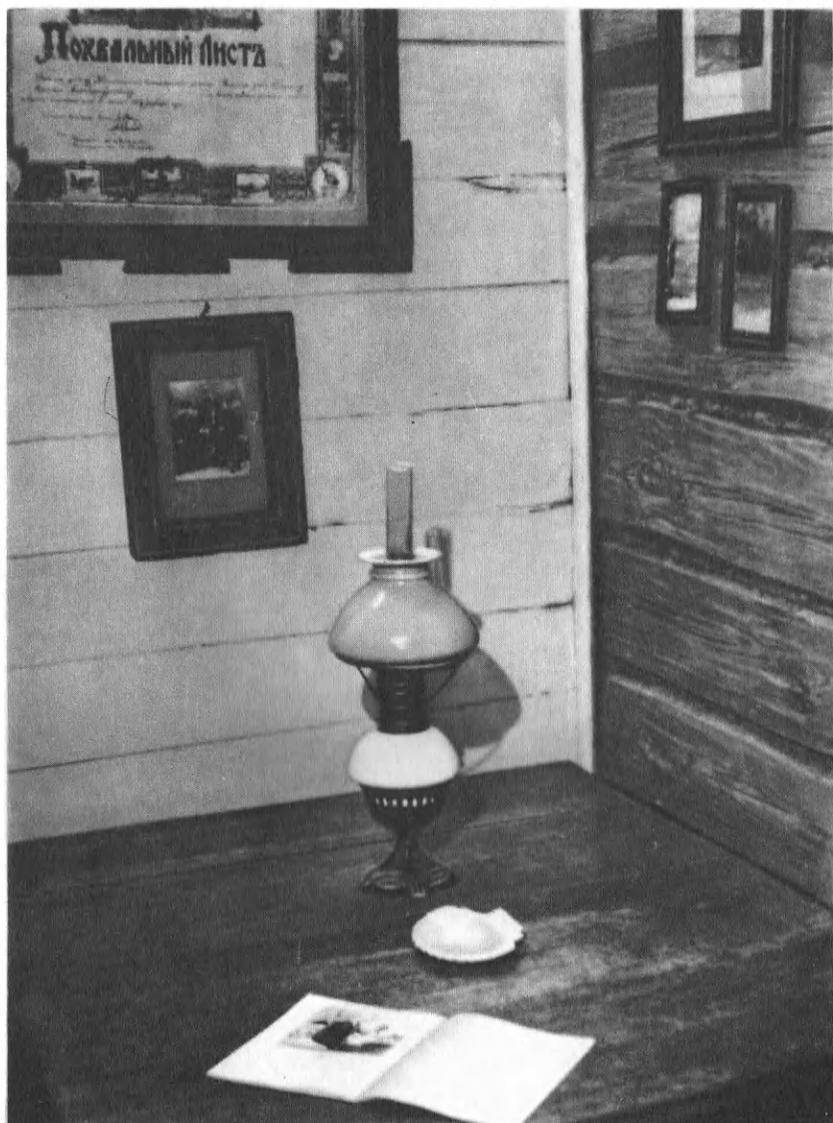

**«Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы.
Шелестят зеленые сережки
И горят серебряные росы».**

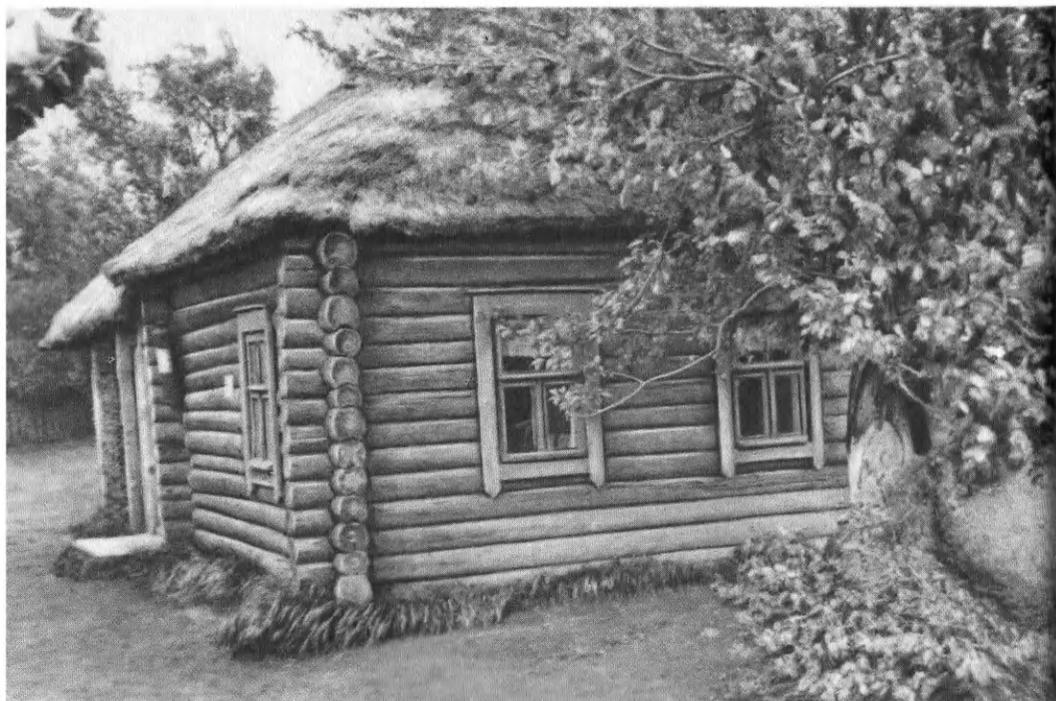
«В холмах зеленых табуны коней...»

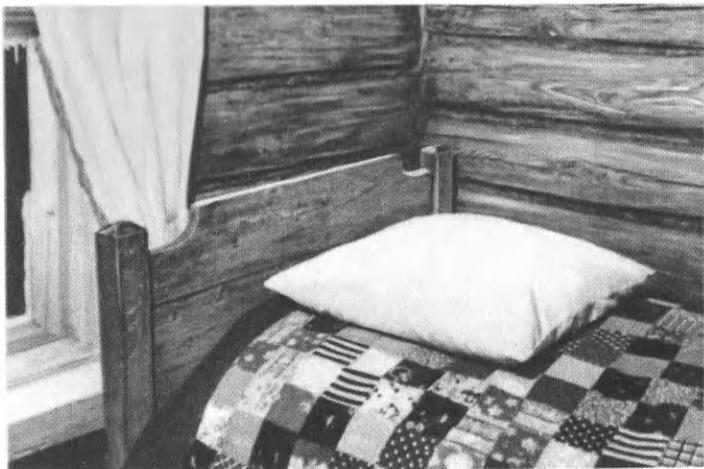
Уголок в Доме-музее С. А. Есенина.

Интерьер Дома-музея.

Амбарчик в
усадьбе Есени-
ных.

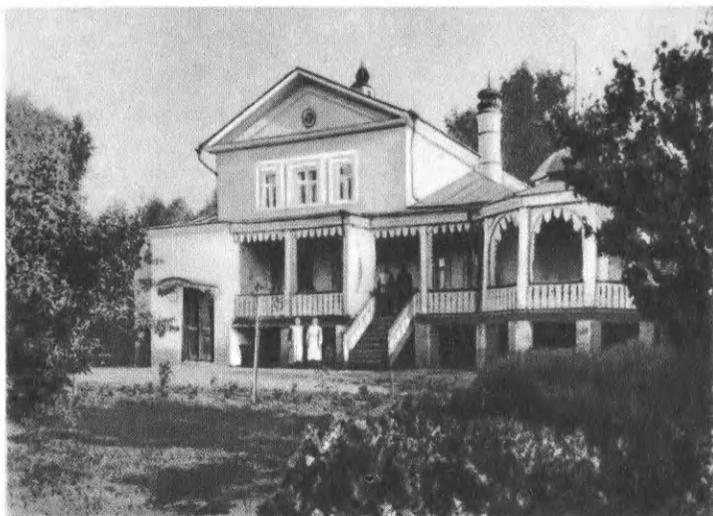

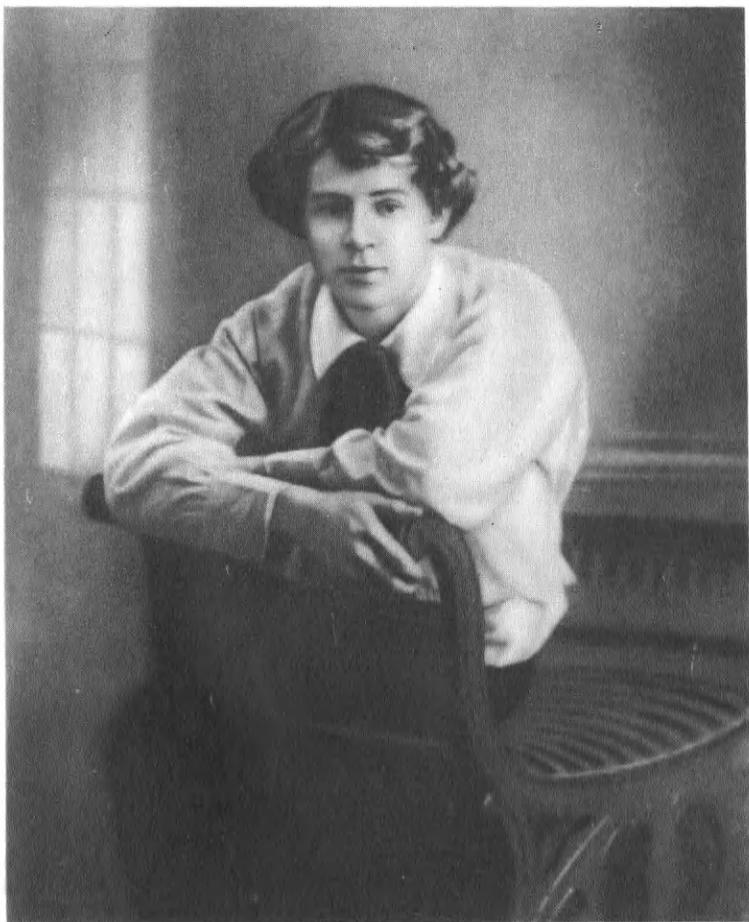
В комнате мате-
ри поэта.

Спас-Клепиковская церковно-учительская школа,
в которой в 1909—1912 гг. учился Сергей Есенин.

Усадьба Л. И. Кашиной, где часто бывал поэт.

Сергей Есенин. 1913—1914 гг.

Если этот месяц
Друг их черной силы,—
Мы его с лазури
Камнями в затылок.

Разметим все тучи,
Все дороги взмесим,
Бубенцом мы землю
К радуге привесим.

Ты звени, звени нам,
Мать-земля сырая,
О полях и рощах
Голубого края.

3

Солдаты, солдаты, солдаты—
Сверкающий бич над смерчком.
Кто хочет свободы и братства,
Тому умирать нипочем.

Смыкайтесь же тесной стеною,
Кому ненавистен туман,
Тот солнце корявой рукою
Сорвет на золотой барабан.

Сорвет и пойдет по дорогам
Лить зов над озерами сил—
На тени церквей и острогов,
На белое стадо горилл.

В том зове калмык и татарин
Почуют свой чаемый град,
И черное небо хвостами,
Хвостами коров воспалят.

4

Верьте, победа за нами!
Новый берег недалек.
Волны белыми когтями
Золотой скребут песок.

Скоро, скоро вал последний
Миллионом брызнет лун.
Сердце — свечка за обедней
Пасхе массы и коммун.

Ратью смуглой, ратью дружной
Мы идем сплотить весь мир.
Мы идем, и пылью вьюжной
Таёт облако горилл.

Мы идем, а там, за чащей,
Сквозь белесость и туман
Наш небесный барабанщик
Лупит в солнце-барабан.

1918

* * *

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого что тот старый клен
Головой на меня похож.

1918

* * *

Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать
И смотреть, как над речкою режет
Воду синюю солнца соха.

Хорошо выбивать из тела
Накаляющий песни гвоздь.
И в одежде празднично белой.
Ждать, когда постучится гость.

Я учусь, я учусь моим сердцем
Цвет черемух в глазах беречь,
Только в скупости чувства греются,
Когда ребра ломает течь.

Молча ухает звездная звонница,
Что ни лист, то свеча заре.
Никого не впущу я в горницу,
Никому не открою дверь.

1918—1919

ПАНТОКРАТОР

1

Славь, мой стих, кто ревет и бесится,
Кто хоронит тоску в плече,
Лошадиную морду месяца
Схватить за узду лучей.

Тыщи лет те же звезды славятся,
Тем же медом струится плоть.
Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, господь.

За седины твои кудрявые,
За копейки с золотых осин
Я кричу тебе: «К черту старое!»,
Непокорный, разбойный сын.

И за эти щедроты теплые,
Что сочишь ты дождями в муть,
О, какими, какими метлами
Это солнце с небес стряхнуть?

2

Там, за млечными холмами,
Средь небесных тополей,
Опрокинулся над нами
Среброструйный Водолей.

Он Медведицей с лазури —
Как из бочки черпаком.
В небо вспрыгнувшая буря
Села месяцу верхом.

В вихре снится сонм умерших,
Молоко дымящий сад,
Вижу, дед мой тянет вершей
Солнце с полдня на закат.

Отче, отче, ты ли внука
Услыхал в сей скорбный срок?
Знать, недаром в сердце мукал
Издыхающий телок.

3

Кружися, кружися, кружися,
Чекань твоих дней серебро!
Я понял, что солнце из выси —
В колодезь золотое ведро.

С земли на незримую сушу
Отчалить и мне суждено.
Я сам положу мою душу
На это горящее дно.

Но знаю — другими очами
Умершие чувят живых.
О, дай нам с земными ключами
Предстать у ворот золотых.

Дай с нашей овсяною волей
Засовы чугунные сбить,
С разбега по ровному полю
Заре на закорки вскочить.

4

Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.

Пролей, пролей нам над водой
Твое глухое ржанье
И колокольчиком-звездой
Холодное сиянье.

Мы радугу тебе — дугой,
Полярный круг — на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную.

Хвостом земле ты прицепись,
С зари отчалься гривой.
За эти тучи, эту высь
Скачи к стране счастливой.

И пусть они, те, кто во мгле
Нас пьют лампадой в небе,
Увидят со своих полей,
Что мы к ним в гости едем.

1919

* * *

Ветры, ветры, о снежные ветры,
Заметите мою прошлую жизнь.
Я хочу быть отроком светлым
Иль цветком с луговой межи.

Я хочу под гудок пастуший
Умереть для себя и для всех.

Колокольчики звездные в уши
Насыпает вечерний снег.

Хороша бестуманная трель его,
Когда топит он боль в пурге.
Я хотел бы стоять, как дерево,
При дороге на одной ноге.

Я хотел бы под конские храпы
Обниматься с соседним кустом.
Подымайте ж вы, лунные лапы,
Мою грусть в небеса ведром. .

1919

* * *

По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.

Полевое, степное «ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына.

Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.

Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.
По-осеннему сыплет ветр,
По-осеннему шепчут листья.

1920

СОРОКОУСТ

А. Мариенгофу

Отрывок из поэмы

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?
Неужель он не знает, что в полях бессиянных
Той поры не вернет его бег,
Когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег?
По-иному судьба на торгах перекрасила
Наш разбуженный скрежетом плес,
И за тысячи пудов конской кожи и мяса
Покупают теперь паровоз.

1920

* * *

Мариенгофу

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвою берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.

Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

1920

ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл — страдания людей!
Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей.

Наше поле издавна знакомо
С августовской дрожью поутру.
Перевязана в снопы солома,
Каждый сноп лежит, как желтый труп.

На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп — овин.
Словно дьякон, на кобылу гаркнув,
Чтит возница погребальный чин.

А потом их бережно, без злости,
Головами стелют по земле
И цепями маленькие кости
Выбивают из худых телес.

Никому и в голову не встанет,
Что солома — это тоже плоть!..
Людоедке-мельнице — зубами
В рот суют те кости обмолоть.

И, из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груды вкусных яств...
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан желудка яйца злобы класть.

Все побои ржи в припек окрасив,
Грубость жнущих сжав в духмяный сок,
Он вкушающим соломенное мясо
Отравляет жернова кишок.

И свистят по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей...
Оттого что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.

1921

* * *

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город! ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.

Жилист мускул у дьявольской выи,
И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же? Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче колко,
Это песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даешься ножу.
Как и ты — я, отсюда гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты — я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зароюсь в снегу...
Все же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

1922

* * *

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий, ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвеств и умереть.

1922

* * *

Не ругайтесь. Такое дело!
Не торговец я на слова.
Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.

Нет любви ни к деревне, ни к городу,
Как же смог я ее донести?
Брошу все. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.

Позабуду поэмы и книги,
Перекину за плечи суму,
Оттого что в полях забулдыге
Ветер больше поет, чем кому.

Провоняю я редькой и луком
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять.

И не нужно мне лучшей удачи,
Лишь забыться и слушать пургу,
Оттого что без этих чудачеств
Я прожить на земле не могу.

1922

* * *

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.
Проводов голубая солома
Опрокинулась над окном.

Были годы тяжелых бедствий,
Годы буйных, безумных сил.
Вспомнил я деревенское детство,
Вспомнил я деревенскую синь.

Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.

Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег ко плетню.
Держат липы в зеленых лапах
Птичий гомон и щебетню.

Я любил этот дом деревянный,
В бревнах теплилась грозная морщь,
Наша печь как-то дико и странно
Завывала в дождливую ночь.

Голос громкий и всхлипень зычный,
Как о ком-то погибшем, живом.
Что он видел, верблюд кирпичный,
В завывании дождевом?

Видно, видел он дальние страны,
Сон другой и цветущей поры,
Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмарь Бухары.

Ах, и я эти страны знаю —
Сам немалый прошел там путь.
Только ближе к родимому краю
Мне б хотелось теперь повернуть.

Но угасла та нежная дрема,
Все истлело в дыму голубом.
Мир тебе — полевая солома,
Мир тебе — деревянный дом!

1923

* * *

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рязанях.

Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе,
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жалок, ни мал
И умею расслышать за пылом:
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог —
Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу, осев,
Словно в листья, в глаза косые...
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.

1923

* * *

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.

Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых —
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.

Там теперь такая ж осень...
Клен и липы в окна комнат,
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.

Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости.

Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

1923

* * *

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!

Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и сырость.

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

1923?

ПИСЬМО МАТЕРИ

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось,—
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

1924

* * *

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь.

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших;
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

1924

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Я посетил родимые места,
Ту сельщину,
Где жил мальчишкой,
Где каланчой с березовою вышкой
Взметнулась колокольня без креста.

Как много изменилось там,
В их бедном, неприглядном быте.

Какое множество открытий
За мною следовало по пятам.

Отцовский дом
Не мог я распознать;
Приметный клен уж под окном не машет,
И на крылечке не сидит уж мать,
Кормя цыплят крупитчатую кашей.

Стара, должно быть, стала...
Да, стара.
Я с грустью озираюсь на окрестность:
Какая незнакомая мне местность.
Одна, как прежняя, белеется гора,
Да у горы
Высокий серый камень.

Здесь кладбище!
Подгнившие кресты,
Как будто в рукопашной мертвецы
Застыли с распростертыми руками.

По тропке, опершись на подожок,
Идет старик, сметая пыль с бурьяна.
«Прохожий!
Укажи, дружок,
Где тут живет Есенина Татьяна?»

«Татьяна... Гм...
Да вон за той избой.
А ты ей что?
Сродни?
Аль, может, сын пропащий?»

«Да, сын.
Но что, старик, с тобой?
Скажи мне,
Отчего ты так глядишь скорбяще?»

«Добро, мой внук,
Добро, что не узнал ты деда!..»
«Ах, дедушка, ужели это ты?»

И полилась печальная беседа
Слезами теплыми на пыльные цветы.

«Тебе, пожалуй, скоро будет тридцать...
А мне уж девяносто...

Скоро в гроб.

Давно пора бы было воротиться».

Он говорит, а сам все морщит лоб.

«Да!.. Время!..

Ты не коммунист?»

«Нет!..»

«А сестры стали комсомолки.

Такая гадость! Просто удавись!

Вчера иконы выбросили с полки,

На церкви комиссар снял крест.

Теперь и богу негде помолиться.

Уж я хожу украдкой нынче в лес,

Молюсь осинам...

Может, пригодится...

Пойдем домой —

Ты все увидишь сам».

И мы идем, топча межой кукольной.

Я улыбаюсь пашням и лесам,

А дед с тоской глядит на колокольню.

.
.

«Здорово, мать! Здорово!» —

И я опять тяну к глазам платок.

Тут разрыдаться может и корова,

Глядя на этот бедный уголок.

На стенке календарный Ленин.

Здесь жизнь сестер,

Сестер, а не моя,—

Но все ж готов упасть я на колени,

Увидев вас, любимые края.

Пришли соседи...

Женщина с ребенком.

Уже никто меня не узнает.

По-байроновски наша собачонка

Меня встречала с лаем у ворот.

Ах, милый край!
Не тот ты стал,
Не тот.
Да уж и я, конечно, стал не прежний.
Чем мать и дед грустней и безнадежней,
Тем веселей сестры смеется рот.

Конечно, мне и Ленин не икона,
Я знаю мир..
Люблю мою семью..
Но отчего-то все-таки с поклоном
Сажусь на деревянную скамью.

«Ну, говори, сестра!»

И вот сестра разводит,
Раскрыв, как Библию, пузатый «Капитал»,
О Марксе,
Энгельсе..
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.

И мне смешно,
Как шустрая девчонка
Меня во всем за шиворот берет.

.

По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.

1924

ПУШКИНУ

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

1924

* * *

Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

Для меня было все тогда новым,
Много в сердце теснилось чувств,
А теперь даже нежное слово
Горьким плодом срывается с уст.

И знакомые взору просторы
Уж не так под луной хороши.
Буераки... пеньки... косогоры
Обпечалили русскую ширь.

Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая, серая гладь.
Это все мне родное и близкое,
От чего так легко зарыдать.

Покосившаяся избенка,
Плач овцы, и вдали на ветру
Машет тощим хвостом лошаденка,
Заглядевшись в неласковый пруд.

Это все, что зовем мы родиной,
Это все, отчего на ней
Пьют и плачут в одно с непогодиной,
Дожидааясь улыбчивых дней.

Потому никому не рассьпать
Эту грусть смехом ранних лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

1924

РУСЬ СОВЕТСКАЯ

А. Сахарову

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.
На переключке дружбы многих нет.
Я вновь вернулся в край осиротелый,
В котором не был восемь лет.

Кого позвать мне? С кем мне поделиться
Той грустной радостью, что я остался жив?
Здесь даже мельница — бревенчатая птица
С крылом единственным — стоит, глаза смежив.

Я никому здесь не знаком.
А те, что помнили, давно забыли.
И там, где был когда-то отчий дом,
Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.

А жизнь кипит.
Вокруг меня снуют
И старые и молодые лица.
Но некому мне шляпой поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу приют.

И в голове моей проходят роем думы:
Что родина?
Ужели это сны?
Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны.

И это я!
Я, гражданин села,
Которое лишь тем и будет знаменито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пиита.

Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин.

Уже ты стал немного отцветать,
Другие юноши поют другие песни.
Они, пожалуй, будут интересней —
Уж не село, а вся земля им мать».

Ах, родина! Какой я стал смешной.
На щеки впалые летит сухой румянец.
Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец.

Вот вижу я:
Воскресные сельчане
У волости, как в церковь, собрались.
Корявыми, немытыми речами
Они свою обсуживают «жись».

Уж вечер. Жидкой позолотой
Закат обрызгал серые поля.
И ноги босые, как телки под ворота,
Уткнули по канавам тополя.

Хромой красноармеец с ликом сонным,
В воспоминаниях морщина лоб,
Рассказывает важно о Буденном,
О том, как красные отбили Перекоп.

«Уж мы его — и этак и раз-этак, —
Буржуя энтото... которого... в Крыму...»
И клены морщатся ушами длинных веток,
И бабы охают в немую полутьму.

С горы идет крестьянский комсомол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Ну что ж!
Прости, родной приют.
Чем сослужил тебе, и тем уж я доволен,
Пушкой меня сегодня не поют —
Я пел тогда, когда был край мой болен.

Приемлю все.
Как есть все принимаю.
Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверяла звуки
И песни нежные лишь только пела мне.

Цветите, юные! И здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирив.

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,—
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

1924

* * *

Издатель славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь,
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.

Пускай о многом неумело
Шептал бумаге карандаш,
Душа спросонок хрипло пела,
Не понимая праздник наш.

Но ты видением поэта
Прочтешь не в буквах, а в другом.
Что в той стране, где власть Советов,
Не пишут старым языком.

И, разбирая опыт смелый,
Меня насмешке не предашь,—
Лишь потому так неумело
Шептал бумаге карандаш.

1924

* * *

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник—
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.

В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Стребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

1924

НА КАВКАЗЕ

Издrevле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.

Здесь Пушкин в чувственном огне
Слагал душой своей опальной:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

И Лермонтов, тоску леча,
Нам рассказал про Азамата,
Как он за лошадь Казбича
Давал сестру вместо злата.

За грусть и желчь в своем лице
Кипенья желтых рек достоин,
Он, как поэт и офицер,
Был пулей друга успокоен.

И Грибоедов здесь зарыт,
Как наша дань персидской хмари,
В подножии большой горы
Он спит под плач зурны и тари.

А ныне я в твою безгладь
Пришел, не ведая причины:
Родной ли прах здесь обрывать
Иль подсмотреть свой час кончины!

Мне все равно! Я полон дум
О них, ушедших и великих.
Их исцелял гортанный шум
Твоих долин и речек диких.

Они бежали от врагов
И от друзей сюда бежали,
Чтоб только слышать звон шагов
Да видеть с гор глухие дали.

И я от тех же зол и бед
Бежал, навек простясь с богемой,
Зане созрел во мне поэт
С большой эпической темой.

Мне мил стихов российский жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-маляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.

И Клюев, ладожский дьячок,
Его стихи как телогрейка,
Но я их вслух вчера прочел —
И в клетке сдохла канарейка.

Других уж нечего считать,
Они под хладным солнцем зреют.
Бумаги даже замарать,
И то, как надо, не умеют.

Прости, Кавказ, что я о них
Тебе промолвил ненароком,
Ты научи мой русский стих
Кизиловым струиться соком.

Чтоб, воротясь опять в Москву,
Я мог прекраснейшей поэмой
Забить ненужную тоску
И не дружить вовек с богемой.

И чтоб одно в моей стране
Я мог твердить в свой час прощальный:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

1924

БАЛЛАДА О ДВАДЦАТИ ШЕСТИ

*С любовью —
прекрасному художнику
Г. Якулову*

Пой песню, поэт,
Пой.
Ситец неба такой
Голубой.
Море тоже рокошет
Песнь.
Их было
26.
26 их было,
26.
Их могилы пескам
Не занести.
Не забудет никто
Их расстрел
На 207-ой
Версте.
Там за морем гуляет
Туман.
Видишь, встал из песка
Шаумян.

Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук
Вылезают, стирая
Плеснь.
26 их было,
26.

Кто с прострелом в груди,
Кто в боку,
Говорят:
«Нам пора в Баку —
Мы посмотрим,
Пока есть туман,
Как живет
Азербайджан».

.
.

Ночь, как дыню,
Катит луну.
Море в берег
Струит волну.
Вот в такую же ночь
И туман
Расстрелял их
Отряд англичан.

Коммунизм —
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетариат.
Там, в России,
Дворянский бич
Был наш строгий отец
Ильич.
А на Востоке
Здесь
Их было
26.

Все помнят, конечно,
Тот,
18-ый, несчастный
Год.
Тогда буржуа
Всех стран

Обстреливали
Азербайджан.

Тяжел был Коммуне
Удар.
Не вынес сей край
И пал,
Но жутче всем было
Весть
Услышать
Про 26.

В пески, что как плавленный
Воск,
Свезли их
За Красноводск.
И кто саблей,
Кто пулей в бок,
Всех сложили на желтый
Песок.

26 их было,
26.
Их могилы пескам
Не занести.
Не забудет никто
Их расстрел
На 207-ой
Версте.

Там за морем гуляет
Туман.
Видишь, встал из песка
Шаумян.
Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук
Вылезают, стирая
Плесень.
26 их было,
26.

.
Ночь как будто сегодня
Бледней.
Над Баку
26 теней.
Теней этих
26.
О них наша боль
И песнь.

То не ветер шумит,
Не туман.
Слышишь, как говорит
Шаумян:
«Джапаридзе,
Иль я ослеп,
Посмотри:
У рабочих хлеб.
Нефть — как черная
Кровь земли.
Паровозы кругом...
Корабли...
И во все корабли,
В поезда
Вбита красная наша
Звезда».

Джапаридзе в ответ:
«Да, есть.
Это очень приятная
Весть.
Значит, крепко рабочий
Класс
Держит в цепких руках
Кавказ.

Ночь, как дыню,
Катит луну.
Море в берег
Струит волну.
Вот в такую же ночь
И туман
Расстрелял нас
Отряд англичан».

Коммунизм —
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетариат.
Там, в России,
Дворянский бич
Был наш строгий отец
Ильич.
А на Востоке
Здесь
26 их было,
26.

.
Свет небес все синей
И синей.
Молкнет говор
Дорогих теней.
Кто в висок прострелен,
А кто в грудь.
К Ахч-Куйме
Их обратный путь...
Пой, поэт, песню,
Пой.
Ситец неба такой
Голубой...
Море тоже рокочет
Песнь.
26 их было,
26.

1924

СУКИН СЫН

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен,
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почтальон.

Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незнаком,
Но о чем-то подолгу мечтала
У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отливом в синь,
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.
С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом
И, как друга, введу тебя в дом...
Да, мне нравилась девушка в белом,
Но теперь я люблю в голубом.

1924

* * *

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда,—
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цветь,
Да ракитник, кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешевеньким ситцем
Ты мила мне, родимая быть.

Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года...
Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда.

1924

ПАМЯТИ БРЮСОВА

Мы умираем,
Сходим в тишь и грусть,

Но знаю я —
Нас не забудет Русь.

Любили девушек,
Любили женщин мы —
И ели хлеб
Из нищенской сумы.

Но не любили мы
Продажных торгашей.
Планета, милая, —
Катись, гуляй и пей.

Мы рифмы старые
Раз сорок повторим.
Пускать сумеем
Гоголя и дым.

Но все же были мы
Всегда одни.
Мой милый друг,
Не сетуй, не кляни!

Вот умер Брюсов,
Но помрем и мы, —
Не выпросить нам дней
Из нищенской сумы.

Но крепко вцапались
Мы в нищую суму.
Валерий Яковлевич!
Мир праху твоему!

1924. Тифлис

РУСЬ УХОДЯЩАЯ

Мы многое еще не сознаем,
Питомцы ленинской победы,
И песни новые
По-старому поем,
Как нас учили бабушки и деды.

Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!
Знать, оттого так хочется и мне,
Здрав штаны,
Бежать за комсомолом.

Я уходящих в грусти не виню,
Ну где же старикам
За юношами гнаться?
Они несжатой рожью на корню
Остались догнывать и осыпаться.

И я, я сам,
Не молодой, не старый,
Для времени навозом обречен.
Не потому ль кабацкий звон гитары
Мне навевает сладкий сон?

Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Советскую я власть виню,
И потому я на нее в обиде,
Что юность светлую мою
В борьбе других я не увидел.

Что видел я?
Я видел только бой
Да вместо песен
Слышал канонаду.
Не потому ли с желтой головой
Я по планете бегал до упаду?

Но все ж я счастлив.
В сонме бурь
Неповторимые я вынес впечатленья.
Вихрь нарядил мою судьбу
В золототканое цветенье.

Я человек не новый!
Что скрывать?
Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою.

Но есть иные люди.
Те
Еще несчастней и забытей.
Они, как отрувь в решете,
Средь непонятных им событий.

Я знаю их
И подсмотрел:
Глаза печальнее коровьих.
Средь человеческих мирных дел,
Как пруд, заплесневела кровь их.

Кто бросит камень в этот пруд?
Не троньте!
Будет запах смрада.
Они в самих себе умрут,
Истлеют падью листопада.

А есть другие люди,
Те, что верят,
Что тянут в будущее робкий взгляд.
Почесывая зад и перед,
Они о новой жизни говорят.

Я слушаю. Я в памяти смотрю,
О чем крестьянская судачит оголь.
«С Советской властью жить нам по нутрю...
Теперь бы ситцу... Да гвоздей немного...»

Как мало надо этим брадачам,
Чья жизнь в сплошном
Картофеле и хлебе.
Чего же я ругаюсь по ночам
На неудачный, горький жребий?

Я тем завидую,
Кто жизнь провел в бою,

Кто защищал великую идею.
А я, стубивший молодость свою,
Воспоминаний даже не имею.

Какой скандал!
Какой большой скандал!
Я очутился в узком промежутке.
Ведь я мог дать
Не то, что дал,
Что мне давалось ради шутки.

Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Я знаю, грусть не утопить в вине,
Не вылечить души
Пустыней и отколом.
Знать, оттого так хочется и мне,
Задрать штаны,
Бежать за комсомолом.

1924

ПОЭТАМ ГРУЗИИ

Писали раньше
Ямбом и октавой.
Классическая форма
Умерла,
Но ныне, в век наш
Величавый,
Я вновь ей вздернул
Удила.

Земля далекая!
Чужая сторона!
Грузинские кремнистые дороги.
Вино янтарное
В глаза струит луна,
В глаза глубокие,
Как голубые роги.

Поэты Грузии!
Я ныне вспомнил вас.
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!

Товарищи по чувствам,
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.

Я — северный ваш друг
И брат!
Поэты — все единой крови.
И сам я тоже азиат
В поступках, в помыслах
И слове.

И потому в чужой
Стране
Вы близки
И приятны мне.

Века всё смелют,
Дни пройдут,
Людская речь
В один язык сольется.
Историк, сочиняя труд,
Над нашей рознью улыбнется.

Он скажет:
В пропасти времен
Есть изысканья и приметы...
Дрались сонмища племен,
Зато не ссорились поэты.
Свидетельствует
Вещий знак:
Поэт поэту
Есть кунак.

Самодержавный
Русский гнет
Сжимал все лучшее за горло,
Его мы кончили —
И вот
Свобода крылья распростерла.

И каждый в племени своем,
Своим мотивом и наречьем,
Мы всяк
По-своему поем,
Поддавшись чувствам
Человечьим...

Свершился дивный
Рок судьбы:
Уже мы больше
Не рабы.

Поэты Грузии,
Я ныне вспомнил вас,
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!..

Товарищи по чувствам, .
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.

1924

ПИСЬМО ОТ МАТЕРИ

Чего же мне
Еще теперь придумать,
О чем теперь
Еще мне написать?
Передо мной
На столике угрюмом
Лежит письмо,
Что мне прислала мать.

Она мне пишет:
«Если можешь ты,
То приезжай, голубчик,
К нам на святки.
Купи мне шаль,
Отцу купи порты,
У нас в дому
Большие недостатки.

Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохую.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохою.

Стара я стала
И совсем плоха,
Но если б дома
Был ты изначала,
То у меня
Была б теперь сноха
И на ноге
Внучонка я качала.

Но ты детей
По свету растерял,
Свою жену
Легко отдал другому,
И без семьи, без дружбы,
Без причал
Ты с головой
Ушел в кабацкий омут.

Любимый сын мой,
Что с тобой?
Ты был так кроток,
Был ты так смиренен.
И говорили все наперебой:
Какой счастливый
Александр Есенин!

В тебе надежды наши
Не сбылись,
И на душе
С того больней и горше,
Что у отца
Была напрасной мысль,
Чтоб за стихи
Ты денег брал побольше.

Хоть сколько б ты
Ни брал,
Ты не пошлешь их в дом,
И потому так горько
Речи льются,
Что знаю я
На опыте твоём:
Поэтам деньги не даются.

Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохую.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохой.

Теперь сплошная грусть,
Живем мы, как во тьме.
У нас нет лошади.
Но если б был ты в доме,
То было б все,
И при твоём уме —
Пост председателя
В волисполкоме.

Тогда б жилось смелей,
Никто б нас не тянул,
И ты б не знал
Ненужную усталость,
Я б заставляла
Прясть
Твою жену,
А ты, как сын,
Покоил нашу старость».

.
Я комкаю письмо,
Я погружаюсь в жуть.
Ужель нет выхода
В моем пути заветном?
Но все, что думаю,
Я после расскажу.
Я расскажу
В письме ответном...

1924

ОТВЕТ

Старушка милая,
Живи, как ты живешь.
Я нежно чувствую
Твою любовь и память.
Но только ты
Ни капли не поймешь —
Чем я живу
И чем я в мире занят.

Теперь у вас зима.
И лунными ночами,
Я знаю, ты
Помыслишь не одна,
Как будто кто
Черемуху качает
И осыпает
Снегом у окна.

Родимая!
Ну как заснуть в метель?
В трубе так жалобно
И так протяжно стонет.
Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб
И — что тебя хоронят.

Как будто тысяча
Гнусавейших дьячков,

Поет она плакидой —
Сволочь-вьюга!
И снег ложится
Вроде пятачков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга!

Я более всего
Весну люблю.
Люблю разлив
Стремительным потоком,
Где каждой щепке,
Словно кораблю,
Такой простор,
Что не окинешь оком.

Но ту весну,
Которую люблю,
Я революцией великой
Называю!
И лишь о ней
Страдаю и скорблю,
Ее одну
Я жду и призываю!

Но эта пакость —
Хладная планета!
Ее и Солнцем-Лениным
Пока не растопить!
Вот потому
С больной душой поэта
Пошел скандалить я,
Озорничать и пить.

Но время будет,
Милая, родная!
Она придет, желанная пора!
Недаром мы
Присели у орудий:
Тот сел у пушки,
Этот — у пера.

Забудь про деньги ты,
Забудь про все.
Какая гибель?!
Ты ли это, ты ли?
Ведь не корова я,
Не лошадь, не осел,
Чтобы меня
Из стойла вывели!

Я выйду сам,
Когда настанет срок,
Когда пальнуть
Придется по планете,
И, воротясь,
Тебе куплю платок,
Ну, а отцу
Куплю я штуки эти.

Пока ж — идет метель,
И тысячей дьячков
Поет она плакидой —
Сволочь-вьюга.
И снег ложится
Вроде пятачков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга.

1924

ПИСЬМО ДЕДУ

Покинул я
Родимое жилище.
Голубчик! Дедушка!
Я вновь к тебе пишу...
У вас под окнами
Теперь метели свищут,
И в дымовой трубе
Протяжный вой и шум,

Как будто сто чертей
Залезло на чердак.

А ты всю ночь не спишь
И дрыгаешь ногою.
И хочется тебе
Накинуть свой пиджак,
Пойти туда,
Избить всех кочергою.

Наивность милая
Нетронутой души!
Недаром прадед
За овса три меры
Тебя к дьячку водил
В заброшенной глуши
Учить: «Достойно есть»
И с «Отче» «Символ веры».

Хорошего коня пасут.
Отборный корм
Ему любви порука.
И, самого себя
Призвав на суд,
Тому же самому
Ты обучать стал внука.

Но внук учебы этой
Не постиг
И, к горечи твоей,
Ушел в страну чужую.
По-твоему, теперь
Бродягою брожу я,
Слагая в помыслах
Ненужный глупый стих.

Ты говоришь:
Что у тебя украли,
Что я дурак,
А горед — плут и мот.
Но только, дедушка,
Едва ли так, едва ли, —
Плохую лошадь
Вор не уведет.

Плохую лошадь
Со двора не сгонишь,
Но тот, кто хочет
Знать другую гладь,
Тот скажет:
Чтоб не сгнить в затоне,
Страну родную
Нужно покидать.

Вот я и кинул.
Я в стране далекой.
Весна.
Здесь розы больше кулака.
И я твоей
Судьбине одинокой
Привет их теплый
Шлю издалека.

Теперь метель
Вовсю свистит в Рязани,
А у тебя —
Меня увидеть зуд.
Но ты ведь знаешь —
Никакие сани
Тебя сюда
Ко мне не завезут.

Я знаю —
Ты б приехал к розам,
К теплу.
Да только вот беда:
Твое проклятье
Силе паровоза
Тебя навек
Не сдвинет никуда.

А если я помру?
Ты слышишь, дедушка?
Помру я?
Ты сядешь или нет в вагон,
Чтобы присутствовать
На свадьбе похорон

И спеть в последнюю
Печаль мне «аллилуйя»?

Тогда садись, старик.
Садись без слез,
Доверься ты
Стальной кобыле.
Ах, что за лошадь,
Что за лошадь паровоз!
Ее, наверное,
В Германии купили.

Чугунный рот ее
Привык к огню,
И дым над ней, как грива,—
Черен, густ и четок.
Такую б гриву
Нашему коню,—
То сколько б вышло
Разных швабр и щеток!

Я знаю —
Время даже камень крошит...
И ты, старик,
Когда-нибудь поймешь,
Что, даже лучшую
Впрягая в сани лошадь,
В далекий край
Лишь кости привезешь...

Поймешь и то,
Что я ушел недаром
Туда, где бег
Быстрее, чем полет.
В стране, объятай вьюгой
И пожаром,
Плохую лошадь
Вор не уведет.

1924

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ

* * *

Улеглась моя бывшая рана —
Пьяный бред не гложет сердце мне.
Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.

Сам чайханщик с круглыми плечами,
Чтобы славилась пред русским чайхана,
Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.

Угощай, хозяин, да не очень.
Много роз цветет в твоём саду.
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак,
Поцелуям учимся без денег,
Без кинжальных хитростей и драк.

Ну, а этой за движенья стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковер ширазский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю,
Я тебе вовеки не солгу.
За себя я нынче отвечаю,
За тебя ответить не могу.

И на дверь ты взглядывай не очень,
Все равно калитка есть в саду...
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

1924

* * *

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты — моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру.

1924

* * *

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайс-я.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

1924

* * *

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, бога ради,
Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: «За Ефратом
Розы лучше смертных дев».
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне —
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.

19 декабря 1924

* * *

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени — Россия —
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не клянчу,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напой дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре —
Я тебе придумаю о нем.
Все равно — глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.

1924

* * *

Свет вечерний шафранного края,
Тихо розы бегут по полям.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.

Лунным светом Шираз осиянен,
Кружит звезд мотыльковый рой.
Мне не нравится, что персияне
Держат женщин и дев под чадрой.
Лунным светом Шираз осиянен.

Иль они от тепла застыли,
Закрывая телесную медь?
Или, чтобы их больше любили,
Не желают лицом загореть,
Закрывая телесную медь?

Дорогая, с чадрой не дружись,
Заучи эту заповедь вкратце,
Ведь и так коротка наша жизнь,
Мало счастьем дано любоваться.
Заучи эту заповедь вкратце.

Даже все некрасивое в роке
Осеньет своя благодать.
Потому и прекрасные щеки
Перед миром грешно закрывать,
Коль дала их природа-мать.

Тихо розы бегут по полям.
Сердцу снится страна другая.
Я спую тебе сам, дорогая,

То, что сроду не пел Хаям...
Тихо розы бегут по полям.

1925

* * *

Воздух прозрачный и синий,
Выйду в цветочные чащи.
Путник, в лазурь уходящий,
Ты не дойдешь до пустыни.
Воздух прозрачный и синий.

Лугом пройдешь, как садом,
Садом — в цветенье диком,
Ты не удержишься взглядом,
Чтоб не принасть к гвоздикам.
Лугом пройдешь, как садом.

Шепот ли, шорох иль шелест —
Нежность, как песни Саади.
Вмиг отразится во взгляде
Месяца желтая прелесть,
Нежность, как песни Саади.

Голос раздастся пери,
Тихий, как флейта Гассана.
В крепких объятиях стана
Нет ни тревог, ни потери,
Только лишь флейта Гассана.

Вот он, удел желанный
Всех, кто в пути устали.
Ветер благоуханный
Пью я сухими устами,
Ветер благоуханный.

1925

* * *

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.

Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.

Далеко-далече там Багдад,
Где жила и пела Шахразада.
Но теперь ей ничего не надо.
Отзвенел давно звеневший сад.

Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской травой.
Ты же, путник, мертвым не внемли,
Не склоняйся к плитам головою.

Оглянись, как хорошо кругом:
Губы к розам так и тянет, тянет.
Помирись лишь в сердце со врагом —
И тебя блаженством ошафранит.

Жить — так жить, любить — так уж влюбляться.
В лунном золоте целуйся и гуляй,
Если ж хочешь мертвым поклоняться,
То живых тем сном не отравляй.

Это пела даже Шахразада,—
Так вторично скажет листьев медь.
Тех, которым ничего не надо,
Только можно в мире пожалеть.

1925

* * *

В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.
Голос пери нежный и красивый.
У меня в руках довольно силы,
Но дверей не смог я отпереть.

Ни к чему в любви моей отвага.
И зачем? Кому мне песни петь? —
Если стала неревнивой Шага,
Коль дверей не смог я отпереть,
Ни к чему в любви моей отвага.

Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстанусь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья.
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,
Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.

1925

* * *

Голубая родина Фирдуси,
Ты не можешь, памятью простыв,
Позабыть о ласковом урусе
И глазах, задумчиво простых,
Голубая родина Фирдуси.

Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.
Хороша ты, Персия, я знаю.

Я сегодня пью в последний раз
Ароматы, что хмельны, как брага.
И твой голос, дорогая Шага,
В этот трудный расставанья час
Слушаю в последний раз.

Но тебя я разве позабуду?
И в моей скитальческой судьбе
Близкому и дальнему мне люду

Буду говорить я о тебе —
И тебя навеки не забуду.

Я твоих несчастий не боюсь,
Но на всякий случай твой угрюмый
Оставляю песенку про Русь:
Запевая, обо мне подумай,
И тебе я в песне отзовусь...

Март 1925

* * *

Быть поэтом — это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

Быть поэтом — значит петь раздолье,
Чтобы было для тебя известней.
Соловей поет — ему не больно,
У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого —
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягушка.

Магомет перехитрил в Коране,
Запрещая крепкие напитки,
Потому поэт не перестанет
Пить вино, когда идет на пытки.

И когда поэт идет к любимой,
А любимая с другим лежит на ложе,
Влагою живительной хранимый,
Он ей в сердце не запустит ножик.

Но, горя ревнивою отвагой,
Будет вслух насвистывать до дома:
«Ну и что ж, помру себе бродягой,
На земле и это нам знакомо».

1925

* * *

Руки милой — пара лебедей —
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою,
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплотою.

Я не знаю, как мне жизнь прожить:
Догореть ли в ласках милой Шаги
Иль под старость трепетно тужить
О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что — для глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Шираза.

Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.

1925

* * *

«Отчего луна так светит тускло
На сады и стены Хороссана?
Словно я хожу равниной русской
Под шуршащим пологом тумана», —

Так спросил я, дорогая Лала,
У молчащих ночью кипарисов,

Но их рать ни слова не сказала,
К небу гордо головы завывив.

«Отчего луна так светит грустно?» —
У цветов спросил я в тихой чаще,
И цветы сказали: «Ты почувствуй
По печали розы шелестящей».

Лепестками роза расплескалась,
Лепестками тайно мне сказала:
«Шаганэ твоя с другим ласкалась,
Шаганэ другого целовала.

Говорила: «Русский не заметит...
Сердцу — песнь, а песне — жизнь и тело...»
Оттого луна так тускло светит,
Оттого печально побледнела.

Слишком много виделось измены,
Слез и мук, кто ждал их, кто не хочет.

.....
Но и все ж вовек благословенны
На земле сиреневые ночи.

1925

* * *

Глупое сердце, не бейся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участия...
Глупое сердце, не бейся.

Месяца желтые чары
Льют по каштанам в пролесь.
Лале склоняясь на шальвары,
Я под чадрую укроюсь.
Глупое сердце, не бейся.

Все мы порою, как дети,
Часто смеемся и плачем:
Выпали нам на свете
Радости и неудачи.
Глупое сердце, не бейся.

Многие видел я страны,
Счастья искал повсюду,
Только удел желанный
Больше искать не буду.
Глупое сердце, не бейся.

Жизнь не совсем обманула.
Новой напьемся силой.
Сердце, ты хоть бы заснуло
Здесь, на коленях у милой.
Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бейся.

1925

* * *

Голубая да веселая страна.
Честь моя за песню продана.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Слышишь, роза клонится и гнется —
Эта песня в сердце отзовется.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Ты — ребенок, в этом спора нет,
Да и я ведь разве не поэт?
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Дорогая Гелия, прости.
Много роз бывает на пути,
Много роз склоняется и гнется,
Но одна лишь сердцем улыбнется.

Улыбнемся вместе — ты и я —
За такие милые края.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Голубая да веселая страна.
Пусть вся жизнь моя за песню продана,
Но за Гелию в тенях ветвей
Обнимает розу соловей.

1925

МОЙ ПУТЬ

Жизнь входит в берега.
Села давнишний житель,
Я вспоминаю то,
Что видел я в краю.
Стихи мои,
Спокойно расскажите
Про жизнь мою.

Изба крестьянская.
Хомутный запах дегтя.
Божница старая,
Лампады кроткий свет.
Как хорошо,
Что я сберег те
Все ощущения детских лет.

Под окнами
Костер метели белой.
Мне девять лет.
Лежанка, бабка, кот..
И бабка что-то грустное,
Степное пела,
Порой зевая
И крестя свой рот.

Метель ревела.
Под оконцем
Как будто бы плясали мертвецы.
Тогда империя

Вела войну с японцем,
И всем далекие
Мережились кресты.

Тогда не знал я
Черных дел России.
Не знал, зачем
И почему война.
Рязанские поля,
Где мужики косили,
Где сеяли свой хлеб,
Была моя страна.

Я помню только то,
Что мужики роптали,
Бранились в черта,
В бога и в царя.
Но им в ответ
Лишь улыбались дали
Да наша жидкая
Лимонная заря.

Тогда впервые
С рифмой я схлестнулся.
От сонма чувств
Вскружилась голова.
И я сказал:
Коль этот зуд проснулся,
Всю душу выплещу в слова.

Года далекие,
Теперь вы как в тумане.
И помню, дед мне
С грустью говорил:
«Пустое дело...
Ну, а если тянет —
Пиши про рожь,
Но больше про кобыл».

Тогда в мозгу,
Влечением к музе сжатом,
Текли мечтанья
В тайной тишине,

Что буду я
Известным и богатым
И будет памятник
Стоять в Рязани мне.

В пятнадцать лет
Взлюбил я до печенок
И сладко думал,
Лишь уединюсь,
Что я на этой
Лучшей из девчонок,
Достигнув возраста, женюсь.

.

Года текли,
Года меняют лица —
Другой на них
Ложится свет.
Мечтатель сельский —
Я в столице
Стал первокласснейший поэт.

И, заболев
Писательскою скукой,
Пошел скитаться я
Средь разных стран,
Не веря встречам,
Не томясь разлукой,
Считая мир весь за обман.

Тогда я понял,
Что такое Русь.
Я понял, что такое слава.
И потому мне
В душу грусть
Вошла, как горькая отрава.

На кой мне черт,
Что я поэт!..
И без меня в достатке дряни.
Пушкой я сдохну,
Только...
Нет,
Не ставьте памятник в Рязани!

.
Еще прошли года.
В годах такое было,
О чем в словах
Всего не рассказать:
На смену царщине
С величественной силой
Рабочая предстала рать.

Устав таскаться
По чужим пределам,
Вернулся я
В родимый дом.
Зеленокошая,
В юбчонке белой
Стоит береза над прудом.

Уж и береза!
Чудная... А груди...
Таких грудей
У женщин не найдешь.
С полей обрызганные солнцем
Люди
Везут навстречу мне
В телегах рожь.

Им не узнать меня,
Я им прохожий.
Но вот проходит
Баба, не взглянув.
Какой-то ток
Невыразимой дрожи
Я чувствую во всю спину.

Ужель она?
Ужели не узнала?
Ну и пускай,
Пускай себе пройдет...
И без меня ей
Горечи немало —
Недаром лег
Страдальчески так рот.

По вечерам,
Надвинув ниже кепи,
Чтобы не выдать
Холода очей,—
Хожу посмотреть я
Скошенные степи
И слушать,
Как звенит ручей.

Ну что же?
Молодость прошла!
Пора приняться мне
За дело,
Чтоб озорливая душа
Уже по-зрелому запела.

И пусть иная жизнь села
Меня наполнит
Новой силой,
Как раньше
К славе привела
Родная русская кобыла.

1925

СОБАКЕ КАЧАЛОВА

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не лижись.
Пойми со мной хоть самое простое.
Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такою милою доверчивой приятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Мой милый Джим, среди твоих гостей
Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней и грустней,
Сюда случайно вдруг не заходила?

Она придет, даю тебе поруку.
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был виноват.

1925

* * *

Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий странник.
Об ушедшем над прудом
Пусть тоскует конопляник.

Пусть неровные луга
Обо мне поют крапивой,—
Брызжет полночью дуга,
Колокольчик говорливый.

Высоко стоит луна,
Даже шапки не докинуть.
Песне тайна не дана,
Где ей жить и где погинуть.

Но на склоне наших лет
В отчий дом ведут дороги.
Повезут глухие дроги
Полутруп, полускелет.

Ведь недаром с давних пор
Поговорка есть в народе:
Даже пес в хозяйский двор
Издыхать всегда приходит.

Ворочусь я в отчий дом —
Жил и не жил бедный странник...

.
В синий вечер над прудом
Прослезится конопляник.

1925

ПИСЬМО К СЕСТРЕ

О Дельвиге писал наш Александр,
О черепе выласкивал он
Строки.
Такой прекрасный и такой далекий,
Но все же близкий,
Как цветущий сад!

Привет, сестра!
Привет, привет!
Крестьянин я иль не крестьянин?!
Ну как теперь ухаживает дед
За вишнями у нас, в Рязани?

Ах, эти вишни!
Ты их не забыла?
И сколько было у отца хлопот,
Чтоб наша тощая
И рыжая кобыла
Выдергивала плугом корнеплод.

Отцу картофель нужен.
Нам был нужен сад.
И сад губили,
Да, губили, душка!
Об этом знает мокрая подушка
Немножко... Семь...
Иль восемь лет назад.

Я помню праздник,
Звонкий праздник мая.
Цвела черемуха,
Цвела сирень.

И, каждую березку обнимая,
Я был пьяней,
Чем синий день.

Березки!
Девушки-березки!
Их не любить лишь может тот,
Кто даже в ласковом подростке
Предугадать не может плод.

Сестра! Сестра!
Друзей так в жизни мало!
Как и на всех,
На мне лежит печать...
Коль сердце нежное твое
Устало,
Заставь его забыть и замолчать.

Ты Сашу знаешь.
Саша был хороший.
И Лермонтов
Был Саше по плечу.
Но болен я..
Сиреновой порошей
Теперь лишь только
Душу излечу.

Мне жаль тебя.
Останешься одна,
А я готов дойти
Хоть до дуэли.
«Блажен, кто не допил до дна»¹
И не дослушал глас свирели.

Но сад наш!..
Сад..
Ведь и по нем весной
Пройдут твои
Заласканные дети.
О!
Пусть они

¹ Слова Пушкина. (Прим. С. А. Есенина.)

Помянут невпопад,
Что жили...

Чудаки на свете.

1925

* * *

Заря окликает другую,
Дымится овсяная гладь...
Я вспомнил тебя, дорогую,
Моя одряхлевшая мать.

Как прежде ходя на пригорок,
Костыль свой сжимая в руке,
Ты смотришь на лунный опорок,
Плывущий по сонной реке.

И думаешь горько, я знаю,
С тревогой и грустью большой,
Что сын твой по отчему краю
Совсем не болеет душой.

Потом ты идешь до погоста
И, в камень уставясь в упор,
Вздыхаешь так нежно и просто
За братьев моих и сестер.

Пускай мы росли ножевые,
А сестры росли, как май,
Ты все же глаза живые
Печально не подымай.

Довольно скорбеть! Довольно!
И время тебе подсмотреть,
Что яблоне тоже больно
Терять своих листьев медь.

Ведь радость бывает редко,
Как вешняя звень поутру,
И мне — чем гнить на ветках —
Уж лучше сгореть на ветру.

1925

* * *

Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой накидке.

В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие шторы
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры.

Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на досуге...
В этот вечер вся жизнь мне мила,
Как приятная память о друге.

Сад польщит, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дрожал
От щемящего слова «милый».

Только я в эту цветь, в эту гладь,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не могу пожелать,
Все, как есть, без конца принимая.

Принимаю — приди и явись,
Все явись, в чем есть боль и отрада...
Мир тебе, отшумевшая жизнь.
Мир тебе, голубая прохлада.

1925

* * *

Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин,—
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...

Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальнойю
Видеть бедную, нищую Русь.

И, внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

1925

* * *

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь больней и ближе,
И чувствую сильнее простое слово: друг.

Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы.
Но донесу, как счастье, до могилы
И волны Каспия, и балаханский май.

Прощай, Баку! Прощай, как песнь простая!
В последний раз я друга обниму...
Чтоб голова его, как роза золотая,
Кивала нежно мне в сиреневом дыму.

Май 1925

* * *

Вижу сон. Дорога черная.
Белый конь. Стопа упорная.
И на этом на коне
Едет милая ко мне.
Едет, едет милая,
Только нелюбимая.

Эх, береза русская!
Путь-дорога узкая.
Эту милую, как сон,
Лишь для той, в кого влюблен,
Удержи ты ветками,
Как руками меткими.

Светит месяц. Синь и сонь.
Хорошо копытит конь.
Свет такой таинственный,
Словно для единственной —
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет.

Хулиган я, хулиган.
От стихов дурак и пьян.
Но и все ж за эту прыть,
Чтобы сердцем не остыть,
За березовую Русь
С нелюбимой помирюсь.

1925

* * *

Каждый труд благослови, удача!
Рыбаку — чтоб с рыбой невода,

Пахарю — чтоб плуг его и кляча
Доставали хлеба на года.

Воду пьют из кружек и стаканов.
Из кувшинок также можно пить —
Там, где омут розовых туманов
Не устанет берег золотить.

Хорошо лежать в траве зеленой
И, впиваясь в призрачную гладь,
Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный,
На себе, уставшем, вспоминать.

Коростели свищут... коростели...
Потому так и светлы всегда
Те, что в жизни сердцем опростели
Под веселой ношею труда.

Только я забыл, что я крестьянин,
И теперь рассказываю сам,
Соглядатай праздный, я ль не странен
Дорогим мне пашням и лесам.

Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык,
И с того, поднявшись над болотом,
В душу плачут чибис и кулик.

1925

* * *

Я иду долиной. На затылке кепи,
В лайковой перчатке смуглая рука.
Далеко сияют розовые степи,
Широко синее тихая река.

Я — беспечный парень. Ничего не надо.
Только б слушать песни — сердцем подпевать,
Только бы струилась легкая прохлада,
Только б не сгибалась молодая стать.

Выйду за дорогу, выйду под откосы,—
Сколько там нарядных мужиков и баб!
Что-то шепчут грабли, что-то свищут косы.
«Эй, поэт, послушай, слаб ты иль не слаб?»

На земле милее. Полно плавать в небо.
Как ты любишь долы, так бы труд любил.
Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был?
Размахнись косою, покажи свой пыл».

Ах, перо не грабли, ах, коса не ручка—
Но косою выводят строчки хоть куда.
Под весенним солнцем, под весенней тучкой
Их читают люди всякие года.

К черту я снимаю свой костюм английский.
Что же, дайте косу, я вам покажу—
Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий,
Памятью деревни я ль не дорожу?

Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки.
Хорошо косою в утренний туман
Выводить по долам травяные строчки,
Чтобы их читали лошадь и баран.

В этих строчках — песня, в этих строчках — слово.
Потому и рад я в думах ни о ком,
Что читать их может каждая корова,
Отдавая плату теплым молоком.

1925

* * *

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вошьет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —

Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

1925

* * *

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.

Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней,
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.

Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».

Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.

И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть
С другой вспоминает тебя.

1925

* * *

Море голосов воробьиных.
Ночь, а как будто ясно,
Так ведь всегда прекрасно.
Ночь, а как будто ясно,
И на устах невинных
Море голосов воробьиных.

Ах, у луны такое
Светит — хоть кинься в воду.
Я не хочу покоя
В синюю эту погоду.
Ах, у луны такое
Светит — хоть кинься в воду.

Милая, ты ли? та ли?
Эти уста не устали.
Эти уста, как в струях,
Жизнь утолят в поцелуях.
Милая, ты ли? та ли?
Розы ль мне то нашептали?

Сам я не знаю, что будет.
Близко, а может, гдей-то
Плачет веселая флейта.
В тихом вечернем гуде
Чту я за лилии груди.
Плачет веселая флейта,
Сам я не знаю, что будет.

1925

* * *

Листья падают, листья падают.
Стонет ветер,
Протяжен и глух.
Кто же сердце порадует?
Кто его успокоит, мой друг?

С отягченными веками
Я смотрю и смотрю на луну.
Вот опять петухи кукарекнули
В обосененную тишину.

Предрассветное. Синее. Раннее.
И летающих звезд благодать.
Загадать бы какое желание,
Да не знаю, чего пожелать.

Что желать под житейскою ношею,
Проклиная удел свой и дом?
Я хотел бы теперь хорошую
Видеть девушку под окном.

Чтоб с глазами она васильковыми
Только мне —
Не кому-нибудь —
И словами и чувствами новыми
Успокоила сердце и грудь.

Чтоб под этою белою лунностью,
Принимая счастливый удел,
Я над песней не таял, не млея
И с чужою веселою юностью
О своей никогда не жалел.

1925

* * *

Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.

Дальний плач тальянки, голос одинокий —
И такой родимый, и такой далекий.

Плачет и смеется песня лиховая.
Где ты, моя липа? Липа вековая?

Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку.

А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и плачу.

1925

* * *

Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!
Вспомнить, что ли, юность, ту, что пролетела?
Не шуми, осина, не пыли, дорога.
Пусть несется песня к милой до порога.

Пусть она услышит, пусть она поплачет.
Ей чужая юность ничего не значит.
Ну, а если значит — проживет не мучась.
Где ты, моя радость? Где ты, моя участь?

Лейся, песня, пуще, лейся, песня, звяньше.
Все равно не будет то, что было раньше.
За былую силу, гордость и осанку
Только и осталась песня под тальянку.

1925

* * *

Сестре Шуре

Я красивых таких не видел,
Только, знаешь, в душе затаю
Не в плохой, а в хорошей обиде —
Повторяешь ты юность мою.

Ты — мое васильковое слово,
Я навеки люблю тебя.

Как живет теперь наша корова,
Грусть соломенную тебея?

Запоешь ты, а мне любимо,
Исцеляй меня детским сном.
Отгорела ли наша рябина,
Осыпаясь под белым окном?

Что поет теперь мать за куделью?
Я навеки покинул село,
Только знаю — багряной метелью
Нам листвы на крыльцо намело.

Знаю то, что о нас с тобой вместе
Вместо ласки и вместо слез
У ворот, как о сгибшей невесте,
Тихо воет покинутый пес.

Но и все ж возвращаться не надо,
Потому и достался не в срок,
Как любовь, как печаль и отрада,
Твой красивый рязанский платок.

1925

* * *

Сестре Шуре

Ах, как много на свете кошек,
Нам с тобой их не счесть никогда.
Сердцу снится душистый горошек,
И звенит голубая звезда.

Наяву ли, в бреду иль спросонок,
Только помню с далекого дня —
На лежанке мурлыкал котенок,
Безразлично смотря на меня.

Я еще тогда был ребенок,
Но под бабкину песню вскок

Он бросался, как юный тигренок,
На оброненный сю клубок.

Все прошло. Потерял я бабку,
А еще через несколько лет
Из kota того сделали шапку,
А ее износил наш дед.

1925

* * *

Сестре Шуре

Ты запой мне ту песню, что прежде
Напевала нам старая мать.
Не жалея о сгибшей надежде,
Я сумею тебе подпевать.

Я ведь знаю, и мне знакомо,
Потому и волнуй и тревожь —
Будто я из родимого дома
Слышу в голосе нежную дрожь.

Ты мне пой, ну, а я с такою,
Вот с такою же песней, как ты,
Лишь немного глаза прикрою —
Вижу вновь дорогие черты.

Ты мне пой. Ведь моя отрада —
Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада,
И опавшие листья с рябин.

Ты мне пой, ну, а я припомню
И не буду забывчиво хмур:
Так приятно и так легко мне
Видеть мать и тоскующих кур.

Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан.

Потому так и сердцу не жестко —
Мне за песнею и за вином
Показалась ты той березкой,
Что стоит под родимым окном.

1925

* * *

Сестре Шуре

В этом мире я только прохожий,
Ты махни мне веселой рукой.
У осеннего месяца тоже
Свет ласкающий, тихий такой.

В первый раз я от месяца греюсь,
В первый раз от прохлады согрет,
И опять и живу и надеюсь
На любовь, которой уж нет.

Это сделала наша равнинность,
Посоленная белью песка,
И измятая чья-то невинность,
И кому-то родная тоска.

Потому и навеки не скрою,
Что любить не отдельно, не врозь —
Нам одною любовью с тобою
Эту родину привелось.

1925

* * *

Эх вы, сани! А кони, кони!
Видно, черт их на землю принес.
В заливчатском степном разгоне
Колокольчик хохочет до слез.

Ни луны, ни собачьего лая
В далеке, в стороне, в пустыре.
Поддержись, моя жизнь удалая,
Я еще не навек постарел.

Пой, ямщик, вперекор этой ночи,—
Хочешь, сам я тебе подпою
Про лукавые девичьи очи,
Про веселую юность мою.

Эх, бывало, заломишь шапку,
Да заложешь в оглобли коня,
Да приляжешь на сена охапку,—
Вспоминай лишь, как звали меня.

И откуда бралась осанка,
А в полуночную тишину
Разговорчивая тальянка
Уговаривала не одну.

Все прошло. Поредел мой волос.
Конь издох, опустел наш двор.
Потеряла тальянка голос,
Разучившись вести разговор.

Но и все же душа не остыла,
Так приятны мне снег и мороз,
Потому что над всем, что было,
Колокольчик хохочет до слез.

1925

* * *

Синий туман. Снеговое раздолье,
Тонкий лимонный лунный свет.
Сердцу приятно с тихою болью
Что-нибудь вспомнить из ранних лет.

Снег у крыльца как песок зыбучий.
Вот при такой же луне без слов,
Шапку из кошки на лоб нахлобучив,
Тайно покинул я отчий кров.

Снова вернулся я в край родимый.
Кто меня помнит? Кто позабыл?
Грустно стою я, как странник гонимый,—
Старый хозяин своей избы.

Молча я комкаю новую шапку,
Не по душе мне соболий мех.
Вспомнил я дедушку, вспомнил я бабку,
Вспомнил кладбищенский рыжлый снег.

Все успокоились, все там будем,
Как в этой жизни радей не радей,—
Вот почему так тянусь я к людям,
Вот почему так люблю людей.

Вот отчего я чуть-чуть не заплакал
И, улыбаясь, душой погас,—
Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний раз.

1925

* * *

Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся.
Хорошо с любимой в поле затеряться.

Ветерок веселый робок и застенчив,
По равнине голой катится бубенчик.

Эх вы, сани, сани! Конь ты мой буланый!
Где-то на поляне клен танцует пьяный.

Мы к нему подъедем, спросим — что такое?
И станцуем вместе под тальянку трое.

1925

* * *

Голубая кофта. Синие глаза.
Никакой я правды милой не сказал.

Милая спросила: «Крутит ли метель?
Затопить бы печку, постелить постель».

Я ответил милой: «Нынче с высоты
Кто-то осыпает белые цветы.

Затопи ты печку, постели постель,
У меня на сердце без тебя метель».

1925

* * *

Снежная замаять крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.

Мчится на тройке чужая младость.
Где мое счастье? Где моя радость?

Все укатилось под вихрем бойким
Вот на такой же бешеной тройке.

1925

* * *

Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.

Неудержимо, неповторимо
Все пролетело... далече... мимо...

Сердце остыло, и выцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!

1925

* * *

Не криви улыбку, руки беребя,
Я люблю другую, только не тебя.

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо —
Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

Проходил я мимо, сердцу все равно —
Просто захотелось заглянуть в окно.

1925

* * *

Плачет метель, как цыганская скрипка.
Милая девушка, злая улыбка,
Я ль не робею от синего взгляда?
Много мне нужно и много не надо.

Так мы далеки и так не схожи —
Ты молодая, а я все прожил.
Юношам счастье, а мне лишь память
Снежную ночью в лихую замять.

Я не заласкан — буря мне скрипка.
Сердце метелит твоя улыбка.

1925

* * *

Ах, метель такая, просто черт возьми.
Забивает крышу белыми гвоздями.
Только мне не страшно, и в моей судьбе
Непутевым сердцем я прибит к тебе.

1925

* * *

Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?

1925

* * *

Свищет ветер, серебряный ветер,
В шелковом шелесте снежного шума.
В первый раз я в себе заметил —
Так я еще никогда не думал.

Пусть на окошках гнилая сырость,
Я не жалею, и я не печален.
Мне все равно эта жизнь полюбилась,
Так полюбилась, как будто вначале.

Взглянет ли женщина с тихой улыбкой —
Я уж взволнован. Какие плечи!
Тройка ль проскачет дорогой зыбкой —
Я уже в ней и скачу далече.

О, мое счастье и все удачи!
Счастье людское землей любимо,
Тот, кто хоть раз на земле заплачет, —
Значит, удача промчалась мимо.

Жить нужно легче, жить нужно проще,
Все принимая, что есть на свете.
Вот почему, обалдев, над рощей
Свищет ветер, серебряный ветер.

1925

* * *

Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.

Неприглядная дорога,
Да любимая навек,
По которой ездил много
Всякий русский человек.

Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мерзлые осин.

У меня отец — крестьянин,
Ну, а я — крестьянский сын.

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень.

Эх, гармошка, смерть-отрава,
Знать, с того под этот вой
Не одна лихая слава
Пропадала трын-травой.

1925

* * *

Цветы мне говорят — прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.

Любимая, ну, что ж! Ну, что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.

И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо,—
Я говорю на каждый миг,
Что все на свете повторимо.

Не все ль равно — придет другой,
Печаль ушедшего не сложет,

Оставленной и дорогой
Пришедший лучше песню сложит.

И, песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне
Как о цветке неповторимом.

Октябрь 1925

* * *

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а всюю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

28 ноября 1925

* * *

Какая ночь! Я не могу.
Не спится мне. Такая лунность.
Еще как будто берегу
В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью,

Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.

Пусть искаженные черты
Он обрисовывает смело,—
Ведь разлюбить не сможешь ты,
Как полюбить ты не сумела.

Любить лишь можно только раз.
Вот оттого ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный, синий
На этих липах не цветы—
На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,
Ты не меня, а я— другую,
И нам обоим все равно
Играть в любовь недорогою.

Но все ж лаской и обнимай
В лукавой страсти поцелуя,
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

30 ноября 1925

* * *

Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.

Да, ты кажешься мне распростертой,
И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мертвой,
Ловит воронов и воронят.

Ну, и что же, лови, я не струшу.
Только как бы твой пыл не погас?

На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.

Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только тень.
Мне в лице твоём снится другая,
У которой глаза — голубень.

Пусть она и не выглядит кроткой
И, пожалуй, на вид холодна,
Но она величавой походкой
Всколыхнула мне душу до дна.

Вот такую едва ль отуманишь,
И не хочешь пойти, да пойдешь,
Ну, а ты даже в сердце не вранишь
Напоенную ласкою ложь.

Но и все же, тебя презирая,
Я смущенно откроюсь навек:
Если б не было ада и рая,
Их бы выдумал сам человек.

1 декабря 1925

* * *

Может, поздно, может, слишком рано,
И о чем не думал много лет,
Походить я стал на Дон-Жуана,
Как заправский ветренный поэт.

Что случилось? Что со мною стало?
Каждый день я у других колен.
Каждый день к себе теряю жалость,
Не смиряясь с горечью измен.

Я всегда хотел, чтоб сердце меньше
Билось в чувствах нежных и простых,
Что ж ищу в очах я этих женщин —
Легкодумных, лживых и пустых?

Удержи меня, мое презренье,
Я всегда отмечен был тобой.

На душе холодное кипенье
И сирени шелест голубой.

На душе — лимонный свет заката,
И все то же слышно сквозь туман,—
За свободу в чувствах есть расплата,
Принимай же вызов, Дон-Жуан!

И, спокойно вызов принимая,
Вижу я, что мне одно и то ж —
Чтить метель за синий цветень мая,
Звать любовью чувственную дрожь.

Так случилось, так со мною стало,
И с того у многих я колен,
Чтобы вечно счастье улыбалось,
Не смиряясь с горечью измен.

13 декабря 1925

* * *

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Синь очей утративший во мгле,
Эту жизнь прожил я словно кстати,
Заодно с другими на земле.

И с тобой целуюсь по привычке,
Потому что многих целовал,
И, как будто зажигая спички,
Говорю любовные слова.

«Дорогая», «милая», «навек»,
А в душе всегда одно и то ж,
Если тронуть страсти в человеке,
То, конечно, правды не найдешь.

Оттого душе моей не жестко
Не желать, не требовать огня,
Ты, моя ходячая березка,
Создана для многих и меня.

Но, всегда ища себе родную
И томясь в неласковом плену,
Я тебя нисколько не ревную,
Я тебя нисколько не кляню.

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Синь очей утративший во мгле,
И тебя любил я только кстати,
Заодно с другими на земле.

1925

ПОЭМЫ

ЛЕНИН

Отрывок из поэмы «Гуляй-поле»

Еще закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.

Россия! Сердцу милый край!
Душа сжимается от боли.
Уж сколько лет не слышит поле
Петушье пенье, песий лай.

Уж сколько лет наш тихий быт
Утратил мирные глаголы.
Как оспой, ямами копыт
Изрыты пастбища и доли.

Немолчный топот, громкий стон,
Визжат тачанки и телеги.
Ужель я сплю и вижу сон,
Что с копьями со всех сторон
Нас окружают печенег?
Не сон, не сон, я вижу въявь,
Ничем не усыпленным взглядом,
Как, лошадей пуская вплавь,
Отряды скачут за отрядом.
Куда они? И где война?
Степная вода не внемлет слову.
Не знаю, светит ли луна
Иль всадник обронил подкову?
Все спуталось...

Но понял взор:
Страну родную в край из края,
Огнем и саблями сверкая,
Междоусобный рвет раздор.

.

Россия —
Страшный, чудный звон.
В деревьях березь, в цветъ — подснежник.
Откуда закатился он,
Тебя встревоживший мятежник?
Суровый гений! Он меня
Влечет не по своей фигуре.
Он не садился на коня
И не летел навстречу буре.
Сплеча голов он не рубил,
Не обращал в побег пехоту.
Одно в убийстве он любил —
Перепелиную охоту.

Для нас условен стал герой,
Мы любим тех, что в черных масках,
А он с сопливой детворой
Зимой катался на салазках.
И не носил он тех волос,
Что льют успех на женщин томных, —
Он с лысиною, как поднос,
Глядел скромней из самых скромных.
Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс...
Шуми и вей!
Крути свирепей, непогода,
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей.

.

Была пора жестоких лет,
Нас пестовали злые лапы.
На поприще крестьянских бед

Татьяна Федоровна Есенина — мать поэта. 1946 г.

◀ С. А. Есенин и С. М. Городецкий. 1915 г.

В окрестностях села Константиново.

Сергей Есенин. 1924 г. ►

«Здесь все так же, как было тогда,
Те же реки и те же стада...»

Дорога на Рязань.

Сергей Есенин. 1925 г.

Корпус

Пушкин

20.

К Пушкину
(Экспромт)

Мезгаль о могоузем даре,
того кто русской стал судьбой,
стою я на тверском бульваре,
стою и говорю с собой:

Блондинистый, почти белесый,
в друзьях ставший как туман
О. Александр! Ты был ловец
как я сегодня — хулиган

Но эти ли мне зобасы
не затеснились образ твой
и в бронзе выкованной слити
трясешь ты гордой головой
А я стою как пред пригласен
и говорю в ответ тебе:
я умер бы сейчас от счастья
слодобленный такой судьбе.

Но обреченный на тонение,
еще и долго буду неть,
чтоб и мое глухое пенсе
сумело бронзой кризвенеть.

Сергей Есенин

Автограф стихотворения Сергея Есенина «Пушкину».

Сергей Есенин с матерью Татьяной Федоровной. 1924 г.

Сергей Есенин с Клюевым и Вс. Ивановым.

Сергей Есенин и Леонид Леонов. 1925 г.

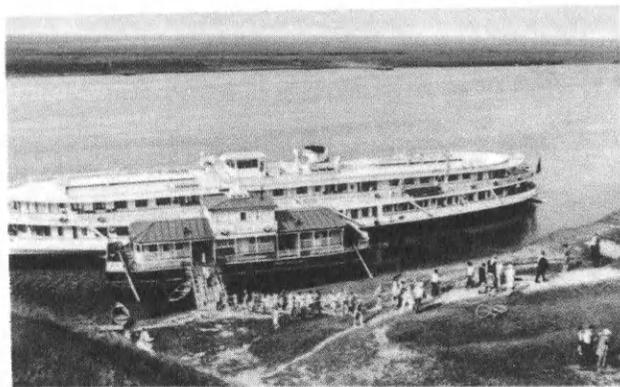
Москва. Похороны Сергея Есенина. Траурная процессия у памятника Пушкину.

Улица Есенина в Рязани.

Театр имени Сер-
гея Есенина в
Рязани.

Теплоход «Сер-
гей Есенин».

Москва. Памятник Сергею Есенину.

Цвели имперские сатрапы.

.
Монархия! Зловещий смрад!
Веками шли пиры за пиром,
И продал власть аристократ
Промышленникам и банкирам.
Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь...
И он пришел.

.
Он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым.
Он нам сказал: «Чтоб кончить муки,
Берите всё в рабочьи руки.
Для вас спасенья больше нет —
Как ваша власть и ваш Совет».

.
И мы пошли под визг метели,
Куда глаза его глядели:
Пошли туда, где видел он
Освобожденье всех племен...

.
И вот он умер...
Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

Для них не скажешь:
«Ленин умер!»
Их смерть к тоске не привела.

.
Еще суровой и угрюмой
Они творят его дела...

1924

ПЕСНЬ О ВЕЛИКОМ ПОХОДЕ

Эй вы, встречные,
Поперечные!
Тараканы, сверчки
Запечные.
Не народ, а дрожва
Подбитая!
Русь нечесаная,
Русь немытая.
Вы послушайте
Новый вольный сказ,
Новый вольный сказ
Про житье у нас.
Первый сказ о том,
Что давно было.
А второй — про то,
Что сейчас всплыло.
Для тебя я, Русь,
Эти сказы спел,
Потому что был
И правдив и смел.
Был мастак слагать
Эти причины,
Не боясь ничьей
Зуботычины.

*

Ой, во городе
Да во Ипатьеве
При Петре было
При императоре.
Говорил слова
Непутевый дьяк:
«Уж и как у нас, ребята,
Стал быть, царь дурак.
Царь дурак-батрак
Сопли жмет в кулак,
Строит Питер-град
На немецкий лад.
Видно, делать ему
Больше нечего,
Принялся он Русь

Онемечивать.
Бреет он князьям
Брады, усие,—
Как не плакаться
Тут над Русию?
Не тужить тут как
Над судьбиною?
Непослушных он
Бьет дубиною».

*

Услыхал те слова
Молодой стрелец.
Хвать смутьянщика
За тугой косец.
«Ты иди, ползи,
Не кочурься, брат.
Я свезу тебя
Прямо в Питер-град.
Привезу к царю,
Кайся, сукин кот!
Кайся, сукин кот,
Что смуцал народ!»

*

По Тверской-Ямской
Под дугою вбряк,
С колокольцами
Ехал бедный дьяк.
На четвертый день,
О полдневных пор,
Прикатил наш дьяк
Ко царю во двор.
Выходил тут царь
С высока крыльца,
Мах-дубинкою
Подозвал стрельца.
«Ты скажи, зачем
Прикатил, стрелец?
Аль с Москвы какой
Потайной гонец?»
«Не гонец я, царь,
Не родня с Москвой.

Я всего лишь есть
Слуга верный твой.
Я привез к тебе
Бунтаря-дьяка.
У него, знать, в жисть
Не болят бока.
В кабаке на весь
На честной народ
Он позорил, царь,
Твой высокий род».
«Ну,— сказал тут Петр,—
Вылезай-кось, вошь!»
Космы дьяковы
Поднялись, как рожь.
У Петра с плеча
Сорвался кулак...
И навек задрал
Лапти кверху дьяк.

У Петра был двор,
На дворе был кол,
На колу — мочало.
Это только, ребята,
Начало.

*

Ой, суров наш царь,
Алексеич Петр.
Он в единый дух
Ведро пива пьет.
Курит — дым идет
На три сажени,
Во немецких одеждах
Разнаряженный.
Возговорит наш царь
Алексеич Петр:
«Подойди ко мне,
Дорогой Лефорт.
Мастер славный ты:
В Амстердаме был.
Русский царь тебе,
Как батрак, служил.
Он учился там,

Как топор держать.
Ты езжай-кось, мастер,
В Амстердам опять.
Передай ты всем
От Петра поклон.
Да скажи, что сейчас
В страшной доле он.
В страшной доле я
За родную Русь...
Скоро смерть придет,
Помирать боюсь.
Помирать боюсь,
Да и жить не рад:
Кто ж теперь блюсти
Будет Питер-град?
Средь туманов сих
И цепных болот
Снится сгибший мне
Трудовой народ.
Слышу, голос мне
По ночам звенит,
Что на их костях
Лег тугой гранит.
Оттого подчас,
Обступая град,
Мертвецы встают
В строевой парад.
И кричат они,
И вопят они.
От такой крични
Загавай огни.
Говорят слова:
«Мы всему цари!
Попадешься, Петр,
Лишь сумей помри.
Мы сдерем с тебя
Твой лихой чупрыц,
Потому что ты
Был собачий сын.
Поблажал ты знать
Со министрами.
На крови для них
Город выстроил.

Но пускай за то
Знает каждый дом —
Мы придем еще,
Мы придем, придем!
Этот город наш,
Потому и тут
Только может жить
Лишь рабочий люд».

Смолк наш царь
Алексеич Петр,
В три ручья с него
Льет холодный пот.

*

Слушайте, слушайте,
Вы, конечно, народ
Хороший,
Хоть метелью вас крой,
Хоть порошей.
Одним словом,
Миляги!
Не дадите ли
Ковшик браги?
Человечий язык,
Чай, не птичий.
Славный вы, люди,
Придумали
Обычай.

*

И пушки бьют,
И колокола плачут.
Вы, конечно, понимаете,
Что это значит?
Много было роз,
Много было маков.
Схоронили Петра,
Тяжело оплавав.
И с того ль, что там
Всякий сволок был,
Кто всерьез рыдал,
А кто глаза слюнил.

Но с того вот дня
Да на двести лет
Дуракам-царям
Прямо счету нет.
И все двести лет
Шел подземный гуд:
«Мы придем, придем!
Мы возьмем свой труд.
Мы сгребем дворян
Да по плечи им,
На фонарных столбах
Перевешаем!»

*

Через двести лет,
В снеговой октябрь,
Затряслась Нева,
Подымая рябь.
Утром встал народ
И на бурю глядь:
На столбах висит
Сволочная знать.
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!
Но с чего же там
Пушки бьют-палят?
Бьют за городом,
Бьют из-за моря,
Понимай как хошь
Ты, душа моя!
Много в эти дни
Совершилось дел.
Я пою о них,
Как спознать сумел.

*

Веселись, душа
Молодецкая.
Нынче наша власть,
Власть Советская.
Офицерики,
Да голубчика
Прикокошили

Вчера в Губчека.
Гаркнул «Яблочко»
Молодой матрос:
«Мы не так еще
Подотрем вам нос!»

*

А за Явором,
Под Украйною,
Услыхали мужики
Весть печальную.
Власть Советская
Им очень нравится,
Да идут войска
С ней расправиться.
В тех войсках к мужикам
Родовая месть.
И Врангель тут,
И Деникин здесь.
А на помог им,
Как лихих волчат,
Из Сибири шлет отряды
Адмирал Колчак.

*

Ах, рыбки мои,
Мелки косточки!
Вы, крестьянские ребята,
Подросточки.
Ни ногой вас не взять,
Ни резанами,
Вы гольем пошли гулять
С партизанами.
Красной Армии штыки
В поле светятся.
Здесь отец с сынком
Могут встретиться.
За один удел
Бьется эта рать,
Чтоб владеть землей
Да весь век пахать,
Чтоб шумела рожь
И овес звенел,

Чтобы каждый калачи
С пирогами ел.

*

Ну и как же тут злобу
Не вынашивать?
На Дону теперь поют
Не по-нашему:
«Пароход идет
Мимо пристани.
Будем рыбу кормить
Коммунистами».
А у нас для них поют:
«Куда ты котишься?
В Вечека попадешь —
Не воротись».

*

От одной беды
Целых три растут,—
Вдруг над Питером
Слышен новый гуд.
Не поймет никто,
Отколь гуд идет:
«Ты не смей дремать,
Трудовой народ,
Как под Питером
Рать Юденича».
Что же делать нам
Всем теперича?
И отгуда бьют,
И отсель палят —
Ой ты, бедный люд,
Ой ты, Питер-град!

*

Дождик лил тогда
В три погибели.
На корню дожди
Озимь выбили.
И на энтог год
Не шумела рожь.

То не жизнь была,
А в печенки нож.

*

А за синим Доном,
Станицы казачьей,
В это время волк ехидный
По-кукушьи плачет.
Говорит Корнилов
Козакам поречным:
«Угостите партизанов
Вишеньем картечным.
С Красной Армией Деникин
Справится, я знаю.
Расстелились наши пики
С Дона до Дунаю».

*

Вей сильней и крепче,
Ветер синь-студеный.
С нами храбрый Ворошилов,
Удалой Буденный.

*

Если крепче жмут,
То сильней орешь.
Мужику одно:
Не топтали б рожь.
А как пошла по ней
Тут рать Деникина —
В сотни верст легла
Прямо в нить она.
Над такой бедой
В стане белых ржут.
Валят сельский скот
И под водку жрут.
Мнут крестьянских жен,
Девок лапают.
«Так и надо вам,
Сиволапые!
Ты, мужик, прохвост!
Сволочь, бестия!

Отплати-кось нам
За поместия.
Отплати за то,
Что ты вешал знать.
Эй, в кнуты их всех,
Растакую мать».

*

Ой ты, синяя сирень,
Голубой палисад!
На родимой стороне
Никто жить не рад.
Опустели огороды,
Хаты брошены,
Заливные луга
Не покосены.
И примят овес,
И прибита рожь.—
Где ж теперь, мужик,
Ты приют найдешь?

*

Но сильней всего
Те встревожены,
Что ночью не спят
В куртках кожаных,
Кто за бедный люд
Жить и сгибнуть рад,
Кто не хочет сдать
Вольный Питер-град.

*

Там под Лиговом
Страшный бой кипит.
Питер траурный
Без огней. Не спит.
Миг — и вот сейчас
Враг проломит все,
И прощай мечта
Городов и сел..
Пот и кровь струит
С лиц встревоженных.
Бьют и бьют людей
В куртках кожаных.

Как снопы, лежат
Трупы по полю.
Кони в страхе ржут,
В страхе топают.
Но напор от нас
Все сильнее, сильнее.
Бьются восемь дней,
Бьются девять дней.
На десятый день
Не сдержался враг...
И пошел чесать
По кустам в овраг.
Наши взад им: «Крой!»
Пушки бьют, палят...
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!

*

А за Белградом,
Окол Харькова,
Кровью ярь мужиков
Перехаркана.
Бедный люд в Москву
Босиком бежит.
И от стога и от рева
Вся земля дрожит.
Ищут хлеба они,
Просят милости,
Ну и как же злобной воле
Тут не вырасти?
У околицы
Гуляй-полевой
Собиралися
Буйны головы.
Да как стали жечь,
Как давай палить.
У Деникина
Аж живот болит.

*

Эх, песня,
Песня!

Есть ли что на свете
Чудесней?
Хоть под гусли тебя пой,
Хоть под тальяночку.
Не дадите ли вы мне,
Хлопцы,
Еще баночку?

*

Ах, яблочко,
Цвета милого!
Бьют Деникина,
Бьют Корнилова.
Цветочек мой,
Цветик маковый.
Ты скорей, адмирал,
Отколчакивай.
Там за степью гул,
Там за степью гром,
Каждый в битве защищает
Свой отцовский дом.
Курток кожаных
Под Донцом не счесть.
Видно, много в Петрограде
Этой масти есть.

*

В белом стане вопль,
В белом стане стон:
Обступает наша рать
Их со всех сторон.
В белом стане крик,
В белом стане бред.
Как пожар стоит
Золотой рассвет.
И во всех кабаках
Огни светятся...
Завтра многие друг с другом
Уж не встретятся.
И все пьют за царя,
За святую Русь,
В ласках знатных шлюх
Забывая грусть.

*

В красном стане храп,
В красном стане смрад,
Вонь портяночная
От сапог солдат.
Завтра, еле свет,
Нужно снова в бой.
Спи, корявый мой!
Спи, хороший мой!
Пусть вас золотом
Свет зари кропит.
В куртке кожаной
Коммунар не спит.

*

На заре, заре
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы встречали день.
Подымая вверх,
Как тоску, глаза,
В куртке кожаной
Коммунар сказал:
«Братья, если здесь
Одолеют нас,
То октябрьский свет
Навсегда погас.
Будет крыть нас кнут,
Будет крыть нас плеть,
Всем весь век тогда
В нищете корпеть».
С горьким гневом рук,
Утерев слезу,
Ротный наш с тех слов
Сапоги разул.
Громко кашлянув,
«На, — сказал он мне, —
Дома нет сапог,
Передай жене».

*

На заре, заре
В дождевой крутень

Свистом ядерным
Мы сушили день.
Пуля входит в грудь,
Как пчелы ужал.
Наш отряд тогда
Впереди бежал.
За лощиной пруд,
А за прудом лог.
Коммунар ничком
В землю носом лег.
Мы вперед, вперед!
Враг назад, назад!
Мертвецы пусть так
Под дождем лежат.
Спите, храбрые,
С отзвучавшим ртом!
Мы придем вас всех
Хоронить потом.

*

Вот и кончен бой,
Машет красный флаг.
Не жалея пят,
Удирает враг.
Удивленный тем,
Что остался цел,
Молча ротный наш
Сапоги надел.
И сказал: «Жене
Сапоги не враз,
Я их сам теперь
Износить горазд».

*

Вот и кончен бой,
Тот, кто жив, тот рад.
Ай да вольный люд!
Ай да Питер-град!
От полуночи
До синя утра
Над Невой твоей
Бродит тень Петра.
Бродит тень Петра,

Грозно хмурится
На кумачный цвет
В наших улицах.
В берег бьет вода
Пенной индевью...
Корабли плывут
Будто в Индию..

1924

ПОЭМА О 36

Много в России
Троп.
Что ни тропа —
То гроб.
Что ни верста —
То крест.
До енисейских мест
Шесть тысяч один
Сугроб.

Синий уральский
Ском
Каменным лег
Мешком,
За скомом шумит
Тайга.
Коль вязнет в снегу
Нога,
Попробуй идти
Пешком.

Добро, у кого
Закал,
Кто знает сибирский
Шквал.
Но если ты слаб
И лег,
То, тайно пробравшись
В лог,
Тебя отпоет
Шакал.

Буря и грозный
Вой.
Грузно бредет
Конвой.
Ружья наперевес.
Если ты хочешь
В лес,
Не дорожи
Головой.

Ссылный солдату
Не брат.
Сам подневолен
Солдат.
Если не взял
На прицел,—
Завтра его
Под расстрел.
Но ты не иди
Назад.

Пусть умирает
Тот,
Кто брата в тайгу
Ведет.
А ты под кандалный
Дзин
Шпарь, как седой
Баргузин.
Беги все вперед
И вперед.

Там за Уралом
Дом.
Степь и вода
Кругом.
В синюю гладь
Окна
Скрипкой поет
Луна.
Разве так плохо
В нем?

Славный у песни
Лад.
Мало ли кто ей
Рад.
Там за Уралом
Клен.
Всякий ведь в жизнь
Влюблен
В лунном мерцанье
Хат.

Если ж, где отчая
Весь,
Стройная девушка
Есть,
Вся, как сиреневый
Май,
Вся, как родимый
Край,—
Разве не манит
Песнь?

Буря и грозный
Вой.
Грузно бредет
Конвой.
Ружья наперевес.
Если ты хочешь
В лес,
Не дорожи
Головой.

*

Колкий, пронзающий
Пух.
Тяжко идти средь
Пург.
Но под кандалный
Дзень,
Если ты любишь
День,
Разве милей
Шлиссельбург?

Там, упираясь
В дверь,
Ходишь, как в клетке
Зверь.
Дума всегда
Об одном:
Может, в краю
Родном
Стало не так
Теперь.

Может, под песню
Вьюг
Умер последний
Друг.
Друг или мать,
Все равно.
Хочется вырвать
Окно
И убежать в луг.

Но долог тюремный
Час.
Зорок солдатский
Глаз.
Если ты хочешь
Знать,
Как тяжело
Убежать,—
Я знаю один
Рассказ.

*

Их было тридцать
Шесть.
В камере негде
Сесть.
В окнах бурунный
Вспург.
Крепко стоит
Шлиссельбург,
Море поет ему
Песнь.

Каждый из них
Сидел
За то, что был горд
И смел,
Что в гневной своей
Тщете
К рыдающим в нищете
Большую любовь
Имел.

Ты помнишь, конечно,
Тот
Клокочущий пятый
Год,
Когда из-за стен
Баррикад
Целился в брата
Брат.
Тот в голову, тот
В живот.

Один защищал
Закон —
Невольник, влюбленный
В трон.
Другой этот трон
Громил,
И брат ему был
Не мил.
Ну, разве не прав был
Он?

Ты помнишь, конечно,
Как
Нагайкой свистел
Казак?
Тогда у склоненных
Ниц
С затылков и поясниц
Капал горячий
Мак.

Я знаю, наверно,
И ты
Видал на снегу
Цветы.
Ведь каждый мальчишкой
Рос,
Каждому били
Нос
В кулачной на все
«Сорты».

Но тех я цветов
Не видал,
Был еще глуп
И мал,
И не читал еще
Книг.
Но если бы видел
Их,
То разве молчать
Стал?

*

Их было тридцать
Шесть.
В каждом кипела
Мечь.
Каждый оставил
Дом
С ивами над прудом,
Но не забыл о нем
Песнь.

Раз комендант
Сказал:
«Тесен для вас
Зал.
Пять я таких
Приму
В камеру по одному,
Тридцать один —
На вокзал».

Поле и снежный
Звон.
Клетчатый мчится
Вагон.
Рельсы грызет
Паровоз.
Разве уместен
Вопрос:
Куда их доставит
Он?

Много в России
Троп.
Что ни тропа —
То гроб.
Что ни верста —
То крест.
До енисейских мест
Шесть тысяч один
Сугроб.

*

Поезд на всех
Парах.
В каждом неясный
Страх.
Видно, надев
Браслет,
Гонят на много
Лет
Золото рыть
В горах.

Может случиться
С тобой
То, что достанешь
Киркой,
Дочь твоя там,
Вдалеке,
Будет на левой
Руке
Перстень носить
Золотой.

Поле и снежный
Звон.
Клетчатый мчится
Вагон.
Вдруг тридцать первый
Встал
И шепотом так сказал:
«Нынче мне ночь
Не в сон.

Нынче мне в ночь
Не лежать.
Я твердо решил
Бежать.
Благо, что ночь
Не в луне.
Вы помогите
Мне
Тело мое
Поддержать.

Клетку уж я
Пилой...
Выручил снежный
Вой.
Вы заградите меня
Подле окна
От огня,
Чтоб не видал
Конвой».

Тридцать столпились
В ряд,
Будто о чем
Говорят,
Будто глядят
На снег.
Разве так труден
Побег,
Если огни
Не горят?

*

Их оставалось
Пять.
Каждый имел
Кровать.
В окнах бурный
Вспург.
Крепко стоит
Шлиссельбург.
Только в нем плохо
Спать.

Разве тогда
Уснешь,
Если все видишь
Рожь,
Видишь родной
Плетень,
Синий, звенящий
День,
И ты по меже
Идешь?

Тихий вечерний
Час.
Колокол бьет
Семь раз.
Месяц широк
И ал.
Так бы дремал
И дремал,
Не подымая глаз.

Глянешь, на окнах
Пух.
Скучный, несчастный
Друг,
Ночь или день,
Все равно.
Хочется вырвать
Окно
И убежать в луг.

Пятый страдать
Устал.
Где-то подпиллок
Достал.
Ночью скребет
И скребет,
Капает с носа
Пот
Через губу в оскал.

Раз при нагрузке
Дров
Он поскользнулся
В ров...
Смотрят, уж он
На льду,
Что-то кричит
На ходу.
Крикнул — и будь
Здоров.

*

Быстро бегут
Дни.
День колесу
Сродни.
Снежной январской
Порой
В камере сорок
Второй
Встретились вновь
Они.

Пятому глядя
В глаза,
Тридцать первый
Сказал:
«Там, где струится
Обь,
Есть деревушка
Топь
И очень хороший
Вокзал.

В жизни живут лишь
Раз,
Я вспоминать
Не горазд.
Глупый сибирский
Чалдон,
Скуп, как сто дьяволов,
Он.
За пяточок продаст.

Снежная белая
Гладь.
Нечего мне
Вспоминать.
Знаю одно:
Без грез
Даже в лихой
Мороз
Сладко на сене
Спать».

Пятый сказал
В ответ:
«Мне уже сорок
Лет.
Но не угас мой
Бес,
Так все и тянет
В лес,
В синий вечерний
Свет.

Много сказать
Не могу:
Час лишь лежал я
В снегу,
Слушал метельный
Вой,
Но помешал
Конвой
С ружьями на бегу».

Серая, хмурая
 Высь,
 Тучи с землею
 Слились.
 Ты помнишь, конечно,
 Тот
 Метельный семнадцатый
 Год,
 Когда они
 Разошлись?

Каждый пошел в свой
 Дом
 С ивами над прудом.
 Видел луну
 И клен,
 Только не встретил
 Он
 Сердцу любимых
 В нем.

Их было тридцать
 Шесть.
 В каждом кипела
 Месть.
 И каждый в октябрьский
 Звон
 Пошел на влюбленных
 В трон,
 Чтоб навсегда их
 Сместь.

Быстро бегут
 Дни.
 Встретились вновь
 Они.
 У каждого новый
 Дом.
 В лёжку живут лишь
 В нем,

Очей загасив
Огни.

Тихий вечерний
Час.
Колокол бьет
Семь раз.
Месяц широк
И ал.
Тот, кто теперь
Задремал,
Уж не поднимет
Глаз.

Теплая синяя
Весь,
Всякие песни
Есть...
Над каждым своя
Звезда...
Мы же поем
Всегда:
Их было тридцать
Шесть.

1924

АННА СНЕГИНА

Л. Воронскому

1

«Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя.

Мы в важные очень не лезем,
Но все же нам счастье дано.

Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.

Оброки платили мы к сроку,
Но — грозный судья — старшина
Всегда прибавлял к оброку
По мере муки и пшена.
И чтоб избежать напасти,
Излишек нам был без тягót.
Раз — власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.

Но люди — все грешные души.
У многих глаза — что клыки.
С соседней деревни Кriuши
Косились на нас мужики.
Житье у них было плохое,
Почти вся деревня вскачь
Пахала одной сохою
На паре заезженных кляч.

Каких уж тут ждать обилий, —
Была бы душа жива.
Ужрадкой они рубили
Из нашего леса дрова.
Однажды мы их застали...
Они в топоры, мы тож.
От звона и скрежета стали
По телу катилась дрожь.

В скандале убийством пахнет.
И в нашу и в их вину
Вдруг кто-то из них как ахнет! —
И сразу убил старшину.
На нашей быдластой сходке
Мы делу условили ширь.
Судили. Забили в колодки
И десять услали в Сибирь.
С тех пор и у нас неуряды.

Скатилась со счастья вожжа.
Почти что три года кряду
У нас то падеж, то пожар».

*

Такие печальные вести
Возница мне пел весь путь.
Я в радовские предместья
Ехал тогда отдохнуть.

Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез.
Я понял, что я — игрушка,
В тылу же купцы да знать,
И, твердо простившись с пушками,
Решил лишь в стихах воевать.
Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу»¹, и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил 17-й год.

Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смердном огне
Тогда над странюю калифствовал
Керенский на белом коне.
Война «до конца», «до победы».
И ту же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.
Но все же не взял я шпагу...
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу —
Был первый в стране дезертир.

*

Дорога довольно хорошая,
Приятная хладная звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.

¹ «Липа» — подложный документ. (Прим. С. А. Есенина.)

«Ну, вот оно, наше Радово, —
Промолвил возница, —
Здесь!
Недаром я лошади вкладывал
За норы ее и спесь.
Позволь, гражданин, на чаишко.
Вам к мельнику надо?
Так вон!..
Я требую с вас без излишка
За дальний такой прогон».

.

Даю сороковку.
«Мало!»
Даю еще двадцать.
«Нет!»
Такой отвратительный малый.
А малому тридцать лет.
«Да что ж ты?
Имеешь ли душу?
За что ты с меня гребешь?»
И мне отвечает туша:
«Сегодня плохая рожь.
Давайте еще незвонких
Десяток иль штучек шесть —
Я выпью в шинке самогонки
За ваше здоровье и честь...»

*

И вот я на мельнице..
Ельник
Осыпан свечьми светляков.
От радости старый мельник
Не может сказать двух слов:
«Голубчик! Да ты ли?
Сергуха!
Озяб, чай? Поди продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог!»

В апреле прозябнуть трудно,
Особенно так в конце.
Был вечер задумчиво чудный,

Как дружья улыбка в лице.
Объяты мельника круты,
От них заревет и медведь,
Но все же в плохие минуты
Приятно друзей иметь.

«Откуда? Надолго ли?»

«На год».

«Ну, значит, дружище, гуляй!

Сим летом грибов и ягод

У нас хоть в Москву отбавляй.

И дичи здесь, братец, до черта,

Сама так под порох и прет.

Подумай ведь только...

Четвертый

Тебя не видали мы год...»

Беседа окончена...

Чинно

Мы выпили весь самовар.

По-старому с шубой овчинной

Иду я на свой сеновал.

Иду я разросшимся садом,

Лицо задевает сирень.

Так мил моим вспыхнувшим взглядам

Состарившийся плетень.

Когда-то у той вон калитки

Мне было шестнадцать лет,

И девушка в белой накидке

Сказала мне ласково: «Нет!»

Далекие, милые были.

Тот образ во мне не угас...

Мы все в эти годы любили,

Но мало любили нас.

2

«Ну что же! Вставай, Сергуша!

Еще и заря не текла,

Старуха за милую душу

Оладьев тебе напекла.
Я сам-то сейчас уеду
К помещице Снегиной...
Ей
Вчера настрелял я к обеду
Прекраснейших дупелей».

Привет тебе, жизни денница!
Встаю, одеваюсь, иду.
Дымком отдает росяница
На яблонях белых в саду.
Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько заруют еще!
И чувствую в скулах упрямых
Жестокую судоргу щек.

Нет, нет!
Не пойду навеки.
За то, что какая-то мразь
Бросает солдату-калеке
Пятак или гривенник в грязь.

«Ну, доброе утро, старуха!
Ты что-то немного сдала?»
И слышу сквозь кашель глухо:
«Дела одолели, дела.
У нас здесь теперь беспокойно.
Испариной все зацвело.
Сплошные мужицкие войны —
Дерутся селом на село.
Сама я своими ушами
Слыхала от прихожан:
То радовцев бьют криушане,
То радовцы бьют криушан.
А все это, значит, безвластье.
Прогнали царя...
Так вот...

Посыпались все напасти
На наш неразумный народ.
Открыли зачем-то остроги,
Злодеев пустили лихих.
Теперь на большой дороге
Покою не знай от них.
Вот тоже, допустим... с Криуши...
Их нужно б в тюрьму за тюрьмой,
Они ж, воровские души,
Вернулись опять домой.
У них там есть Прон Оглоблин,
Булдыжник, драчун, грубиян.
Он вечно на всех озлоблен,
С утра по неделям пьян.
И нагло в третьевом годе,
Когда объявили войну,
При всем честном народе
Убил топором старшину.
Таких теперь тысячи стало
Творить на свободе гнусь.
Пропала Расея, пропала...
Погибла кормилица Русь...»

Я вспомнил рассказ возницы
И, взяв свою шляпу и трость,
Пошел мужикам поклониться,
Как старый знакомый и гость.

*

Иду голубую дорожкой
И вижу — навстречу мне
Несется мой мельник на дрожках
По рыхлой еще целине.
«Сергуха! За милую душу!
Постой, я тебе расскажу!
Сейчас! Дай поправить вожжу,
Потом и тебя оглоушу.
Чего ж ты мне утром ни слова?
Я Снегиным так и бряк.
Приехал ко мне, мол, веселый
Один молодой чудак.
(Они ко мне очень желанны,
Я знаю их десять лет.)

А дочь их замужняя Анна
Спросила:
— Не тот ли, поэт?
— Ну, да,— говорю,— он самый.
— Блондин?
— Ну, конечно, блондин!
— С кудрявыми волосами?
— Забавный такой господин!
— Когда он приехал?
— Недавно.
— Ах, мамочка, это он!
Ты знаешь,
Он был забавно
Когда-то в меня влюблен.
Был скромный такой мальчишка,
А нынче...
Поди ж ты...
Вот...
Писатель...
Известная шишка...
Без просьбы уж к нам не придет».

И мельник, как будто с победы,
Лукаво прищурил глаз:
«Ну, ладно! Прощай до обеда.
Другое сдержу про запас».

Я шел по дороге в Криушу
И тростью сшибал зелена.
Ничто не пробилось мне в душу,
Ничто не смутило меня.
Струилися запахи сладко,
И в мыслях был пьяный туман...
Теперь бы с красивой солдаткой
Завесть хорошо роман.

*

Но вот и Криуша...
Три года
Не зрел я знакомых крыш.
Сиреневая погода
Сиреню обрызгала тишь.
Не слышно собачьего лая,

Здесь нечего, видно, стеречь —
У каждого хата гнилая,
А в хате ухваты да печь.
Гляжу, на крыльце у Прона
Горластый мужицкий галдеж.
Толкуют о новых законах,
О ценах на скот и рожь.
«Здорово, друзья!»
«Э, охотник!
Здорово, здорово!
Садись!
Послушай-ка ты, беззаботник,
Про нашу крестьянскую жисть.
Что нового в Питере слышно?
С министрами, чай, ведь знаком?
Недаром, едрит твою в дышло,
Воспитан ты был кулаком.
Но все ж мы тебя не порочим.
Ты — свойский, мужицкий, наш,
Бахвалишься славой не очень
И сердце свое не продашь.
Бывал ты к нам зорким и рьяным,
Себя вынимал на испод...
Скажи:
Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,
Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?»

И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.
Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он — вы».

На корточках ползали слуги,
 Судили, решали, шепча.
 И я от моей старухи
 Достаточно их получал.

Однажды, вернувшись с тяги,
 Я лег подремать на диван.
 Разносчик болотной влаги,
 Меня прознобил туман.
 Трясло меня, как в лихорадке,
 Бросало то в холод, то в жар,
 И в этом проклятом припадке
 Четыре я дня пролежал.

Мой мельник с ума, знать, спятил.
 Поехал,
 Кого-то привез..
 Я видел лишь белое платье
 Да чей-то привздернутый нос.
 Потом, когда стало легче,
 Когда прекратилась трясь,
 На пятые сутки под вечер
 Простуда моя улеглась.
 Я встал.
 И лишь только пола
 Коснулся дрожащей ногой,
 Услышал я голос веселый:
 «А!
 Здравствуйте, мой дорогой!
 Давненько я вас не видала.
 Теперь из ребяческих лет
 Я важная дама стала,
 А вы — знаменитый поэт.

.

Ну, сядем.
 Прошла лихорадка?
 Какой вы теперь не такой!
 Я даже вздохнула украдкой,
 Коснувшись до вас рукой.
 Да...

Не вернуть, что было.
Все годы бегут в водоем.
Когда-то я очень любила
Сидеть у калитки вдвоем.
Мы вместе мечтали о славе...
И вы угодили в прицел,
Меня же про это заставил
Забыть молодой офицер...»

*

Я слушал ее и невольно
Оглядывал стройный лик.
Хотелось сказать:
«Довольно!
Найдемте другой язык!»

Но почему-то, не знаю,
Смущенно сказал невпопад:
«Да... Да...
Я сейчас вспоминаю...
Садитесь.
Я очень рад.
Я вам прочитаю немного
Стихи
Про кабацкую Русь...
Отделано четко и строго.
По чувству — цыганская грусть».
«Сергей!
Вы такой нехороший.
Мне жалко,
Обидно мне,
Что пьяные ваши дебоши
Известны по всей стране.
Скажите:
Что с вами случилось?»
«Не знаю».
«Кому же знать?»
«Наверно, в осеннюю сырость
Меня родила моя мать».
«Шутник вы...»
«Вы тоже, Анна».
«Кого-нибудь любите?»
«Нет».

«Тогда еще более странно
Губить себя с этих лет:
Пред вами такая дорога...»

Сгущалась, туманилась даль...
Не знаю, зачем я трогал
Перчатки ее и шаль.

.

Луна хохотала, как клоун.
И в сердце хоть прежнего нет,
По-странному был я полон
Наплывом шестнадцати лет.
Расстались мы с ней на рассвете
С загадкой движений и глаз...

Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас.

*

Мой мельник...
Ох, этот мельник!
С ума меня сводит он.
Устроил волынку, бездельник,
И бегаёт, как почтальон.
Сегодня опять с запиской,
Как будто бы кто-то влюблен:
«Придите.
Вы самый близкий.
С любовью

Оглоблин Прон».

Иду. -
Прихожу в Криушу.
Оглоблин стоит у ворот
И спьяну в печенки и в душу
Костит обнищальный народ.
«Эй, вы!
Тараканье отродье!
Все к Снегиной!..
Р-раз и квас!
Даешь, мол, твои угодыя
Без всякого выкупа с нас!»

И тут же, меня завидя,
Снижая сварливую прыть,
Сказал в неподдельной обиде:
Крестьян еще нужно варить».
«Зачем ты позвал меня, Проша?»
«Конечно, ни жать, ни косить.
Сейчас я достану лошадь
И к Снегиной... вместе...
Просить...»
И вот запрягли нам клячу.
В оглоблях мосластая шкетъ —
Таких отдают с придачей,
Чтоб только самим не иметь.
Мы ехали мелким шагом,
И путь нас смешил и злил:
В подъемах по всем оврагам
Телегу мы сами везли.

Приехали.
Дом с мезонином
Немного присел на фасад.
Волнующе пахнет жасмином
Плетневый его палисад.
Слезаем.
Подходим к террасе
И, пыль отряхая с плеч,
О чьем-то последнем часе
Из горницы слышим речь:
«Рыдай не рыдай — не помога...
Теперь он холодный труп...
Там кто-то стучит у порога...
Припудрись...
Пойду отопру...»

Дебелая грустная дама
Откинула добрый засов.
И Прон мой ей брякнул прямо
Про землю,
Без всяких слов.
«Отдай!.. —
Повторял он глухо. —
Не ноги ж тебе целовать!»

Как будто без мысли и слуха
Она принимала слова.
Потом в разговорную очередь
Спросила меня
Сквозь жуть:
«А вы, вероятно, к дочери?
Присядьте...
Сейчас доложу...»

Теперь я отчетливо помню
Тех дней роковое кольцо.
Но было совсем не легко мне
Увидеть ее лицо.
Я понял —
Случилось горе,
И молча хотел помочь.
«Убили... Убили Борю...
Оставьте!
Уйдите прочь!
Вы — жалкий и низкий трусишка.
Он умер...
А вы вот здесь...»

Нет, это уж было слишком.
Не всякий рожден перенести.
Как язвы, стыдясь оплеухи,
Я Прону ответил так:
«Сегодня они не в духе...
Поедем-ка, Прон, в кабак...»

4

Все лето провел я в охоте.
Забыл ее имя и лик.
Обиду мою
На болоте
Оплакал рыдальщик-кулик.

Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и сочь,
И лето такое короткое,
Как майская теплая ночь.

Заря холодней и багровой.
Туман припадает ниц.
Уже в облетевшей дуброве
Разносится звон синиц.

Мой мельник вовсю улыбается,
Какая-то веселость в нем.
«Теперь мы, Сергуха, по зайцам
За милую душу пальнем!»
Я рад и охоте...
Коль нечем
Развеять тоску и сон.
Сегодня ко мне под вечер,
Как месяц, вкатился Прон.
«Дружище!
С великим счастьем!
Настал ожидаемый час!
Приветствую с новой властью!
Теперь мы всех р-раз и квас!
Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы
И Ленин — старшой комиссар.
Дружище!
Вот это номер!
Вот это почин так почин.
Я с радости чуть не помер,
А брат мой в штаны намочил.
Едри ж твою в бабушку плюнуть!
Гляди, голубарь, веселей!
Я первый сейчас же коммуно
Устрою в своем селе».

У Прона был брат Лабутя,
Мужик — что твой пятый туз:
При всякой опасной минуте
Хвальбишка и дьявольский трус.
Таких вы, конечно, видали.
Их рок болтовней наградил.
Носил он две белых медали
С японской войны на груди.
И голосом хриплым и пьяным
Тянул, заходя в кабак:

«Прославленному под Ляояном
Ссудите на четвертак...»
Потом, насосавшись до дури,
Взволнованно и горячо
О сдавшемся Порт-Артуре
Соседу слезил на плечо.
«Голубчик! —
Кричал он. —
Петя!
Мне больно... Не думай, что пьян.
Отвагу мою на свете
Лишь знает один Ляоян».
Такие всегда на примете.
Живут, не мозоля рук.
И вот он, конечно, в Совете,
Медали запрятал в сундук.
Но с тою же важной осанкой,
Как некий седой ветеран,
Хрипел под сивушной банкой
Про Нерчинск и Турухан:
«Да, братец!
Мы горе видали,
Но нас не запугивал страх...»

.

Медали, медали, медали
Звенели в его словах.
Он Прону вытягивал нервы,
И Прон материл не судом.
Но все ж тот поехал первый
Описывать снегинский дом.

В захвате всегда есть скорость:
«Даешь! Разберем потом!»
Весь хутор забрали в волюсть
С хозяйками и со скотом.

А мельник...

.

Мой старый мельник
Хозяек привез к себе,
Заставил меня, бездельник,
В чужой ковыряться судьбе.
И снова нахлынуло что-то...
Тогда я всю ночь напролет
Смотрел на скривленный заботой
Красивый и чувственный рот.

Я помню —
Она говорила:
«Простите... Была не права...
Я мужа безумно любила.
Как вспомню... болит голова...
Но вас
Оскорбила случайно...
Жестокость была мой суд...
Была в том печальная тайна,
Что страстью преступной зовут.
Конечно,
До этой осени
Я знала б счастливую былль...
Потом бы меня вы бросили,
Как выпитую бутылку...
Поэтому было не надо...
Ни встреч... ни вообще продолжать...
Тем более с старыми взглядами
Могла я обидеть мать».

Но я перевел на другое,
Уставясь в ее глаза,
И тело ее тугое
Немного качнулось назад.
«Скажите,
Вам больно, Анна,
За ваш хуторской разор?»
Но как-то печально и странно
Она опустила свой взор...

.

«Смотрите...
Уже светает.

Заря как пожар на снегу...
Мне что-то напоминает...
Но что?..
Я понять не могу...
Ах!.. Да...
Это было в детстве...
Другой... Не осенний рассвет...
Мы с вами сидели вместе...
Нам по шестнадцать лет...»

Потом, оглядев меня нежно
И лебедя выгнув рукой,
Сказала как будто небрежно:
«Ну, ладно...
Пора на покой...»

.

Под вечер они уехали.
Куда?
Я не знаю куда.
В равнине, проложенной вехами,
Дорогу найдешь без труда.

Не помню тогдашних событий,
Не знаю, что сделал Прон.
Я быстро умчался в Питер
Развеять тоску и сон.

5

Суровые, грозные годы!
Но разве всего описать?
Слышали дворцовые своды
Солдатскую крепкую «мать».

Эх, удаль!
Цветение в далах!
Недаром чумазый сброд
Играл по дворам на роялях
Коровам тамбовский фокстрот.
За хлеб, за овес, за картошку
Мужик залучил граммофон,—

Слюнявя козлиную ножку,
Танго себе слушает он.
Сжимая от прибыли руки,
Ругаясь на всякий налог,
Он мыслит до дури о штуке,
Катающейся между ног.

Шли годы
Размашисто, пылко...
Удел хлебороба гас.
Немало поперело в бутылках
«Керенок» и «ходей» у нас.
Фефела! Кормилец! Касатик!
Владелец земель и скотом,
За пару измызганных «катек»
Он даст себя выдрать кнутом.

Ну, ладно.
Довольно стонув!
Не нужно насмешек и слов!
Сегодня про участь Прона
Мне мельник прислал письмо:
«Сергуха! За милую душу!
Привет тебе, братец! Привет!
Ты что-то опять в Криушу
Не кажешься целых шесть лет.
Утешь!
Соберись, на милость!
Прижваривай по весне!
У нас здесь такое случилось,
Чего не расскажешь в письме.
Теперь стал спокой в народе,
И буря пришла в угомон.
Узнай, что в двадцатом годе
Расстрелян Оглоблин Прон.

Расея...
Дуровая зыкъ она.
Хошь верь, хошь не верь ушам —
Однажды отряд Деникина
Нагрянул на криушан.
Вот тут и пошла потеха...
С потехи такой — околеть.

Со скрежетом и со смехом
Гульнула казацкая плеть.
Тогда вот и чикнули Проню,
Лабутя ж в солому залез
И вылез,
Лишь только кони
Казацкие скрылись в лес.
Теперь он по пьяной морде
Еще не устал голосить:
«Мне нужно бы красный орден
За храбрость мою носить».
Совсем прокатились тучи...
И хоть мы живем не в раю,
Ты все ж приезжай, голубчик,
Утешить судьбину мою...»

*

И вот я опять в дороге.
Ночная июньская хмарь.
Бегут говорливые дроги
Ни шатко ни валко, как встарь.
Дорога довольно хорошая,
Равнинная тихая звень.
Луна золотую порошею
Осыпала даль деревень.
Мелькают часовни, колодцы,
Околицы и плетни.
И сердце по-старому бьется,
Как билось в далекие дни.

Я снова на мельнице...
Ельник
Усыпан свечьми светляков.
По-старому старый мельник
Не может связать двух слов:
«Голубчик! Вот радость! Сергуха!
Озяб, чай? Поди продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог.
Сергунь! Золотой! Послушай!

.

И ты уж старик по годам...
Сейчас я за милую душу
Подарок тебе передам». «Подарок?»
«Нет...
Просто письмишко.
Да ты не спеши, голубок.
Почти что два месяца с лишком
Я с почты его приволок».

Вскрываю... читаю... Конечно!
Откуда же больше и ждать!
И почерк такой беспечный,
И лондонская печать.

«Вы живы?.. Я очень рада...
Я тоже, как вы, жива.
Так часто мне снится ограда,
Калитка и ваши слова.
Теперь я от вас далеко...
В России теперь апрель.
И синею заволокой
Покрыта береза и ель.
Сейчас вот, когда бумаге
Вверяю я грусть моих слов,
Вы с мельником, может, на тяге
Подслушиваете тетеревов.
Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в страх,
Гляжу среди судов все пристальной
На красный советский флаг.
Теперь там достигли силы.
Дорога моя ясна...
Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна».

.

Письмо как письмо.
Беспричинно.
Я в жисть бы таких не писал.

По-прежнему с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.

Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Погорбившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»

Далекie милые были!..
Тот образ во мне не угас.

Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.

*Январь 1925.
Батум*

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящий сборник вошли избранные стихотворения и поэмы Есенина, созданные им в дооктябрьский и послеоктябрьский периоды творчества.

В основу принципа отбора произведений для сборника положены требования школьной программы, общедоступность, идейно-тематическая ясность и определенность.

Тексты печатаются по пятитомному Собранию сочинений Сергея Есенина (М., «Художественная литература», 1966—1968). В конце каждого стихотворения дается авторская датировка, выверенная при многократных публикациях произведений поэта.

В первой части сборника даны стихотворения, во второй — поэмы. Все произведения расположены в хронологическом порядке.

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Вот уж вечер. Роса...» (с. 23).— Впервые напечатано в 1-м томе Собрания стихотворений С. Есенина. М.— Л., ГИЗ, 1926.

«Там, где капустные грядки...» (с. 23).— В 1-м томе Собрания стихотворений С. Есенина. М.— Л., ГИЗ, 1926.

«Поэт зима — аukaет...» (с. 24).— В детском журнале «Мирок». М., изд-во И. Д. Сытина, 1914, № 2.

Подражанье песне (с. 24).— В книге «Радуница». П., 1916.
Панихида — церковная служба по умершим.

Кадильный канон — церковное песнопение.

«Сыплет черемуха снегом...» (с. 25).— В «Ежемесячном журнале». П., 1915, № 6.

К а л и к и (с. 25).— В книге «Радуница». П., 1916.

Калики — странствующие нищие.

Вериги — железные цепи, оковы, которые носили религиозные фанатики.

«Темна ноченька, не спится...» (с. 26).— В 1-м томе Собрания стихотворений С. Есенина. М.— Л., ГИЗ, 1926.

Купыри — луговая трава.

«Хороша была Танюша, краше не было в селе...» (с. 27).— В «Ежемесячном журнале». П., 1915, № 11.

Рюшка — обшивка из сборчатой легкой ткани.

«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...» (с. 27).— В книге «Радуница». П., 1916.

Прибаски — шутки, прибаутки.

«Матушка в Купальницу по лесу ходила...» (с. 28).— В книге «Радуница». П., 1916.

Купальница — ночь под Ивана Купалу.

Травы ворожбиные — загадочные, волшебные.

Не дознамо печени — не от печени.

Сутемень — сумерки.

Береза (с. 28).— В детском журнале «Мирок». М., 1914, № 1.

Кузнец (с. 29).— В газете «Путь правды». П., 1914, № 87.

С добрым утром! (с. 30).— В журнале «Мирок». М., 1914, № 7.

«Зашумели над затоном тростники...» (с. 30).— В журнале «Млечный Путь». М., 1915, № 2.

Семик — седьмой четверг после пасхи.

Повилика — полевая трава.

«Край любимый! Сердцу снятся...» (с. 31).— В газете «Биржевые ведомости». П., 1915, № 15289.

В хате (с. 31).— В книге «Радуница». П., 1916.

Драчены — кушанье из запеченного картофеля, смешанного с яйцом и молоком.

Дежка — деревянная кадка.

«По селу тропинкой кривенькой...» (с. 32).— В книге «Радуница». П., 1916.

Ливенка — гармоника.

«Гой ты, Русь, моя родная...» (с. 33).— В книге «Радуница». П., 1916.

Корогод — хоровод.

Лехи — полоски земли.

«Я — пастух; мои палаты...» (с. 33).— В «Ежемесячном журнале». П., 1915, № 8.

«Сохнет стаявшая глина...» (с. 34).— В книге «Радуница». М., изд-во «Имажинисты», 1921.

Аналой (церк.) — столик для богослужения.

Псалтырь — книга религиозных песнопений.

Сермяга — одежда из грубошерстного сукна.

- Осанна* (библейск.) — слово приветствия, восклицания.
- «Край ты мой заброшенный...» (с. 35).— В книге «Радуница». П., 1916.
- «Черная, потом пропахшая выть!..» (с. 35).— В газете «Биржевые ведомости». П., 1915, № 1.
- Веретье* — домотканое полотно.
- ...на кукуане реки...— на островке.
- «То пи да болота...» (с. 36).— В книге «Радуница». П., 1916.
- Русь (с. 36).— Впервые (в незаконченном виде) в «Новом журнале для всех». П., 1915, № 5; полностью в журнале «Северные записки». П., 1915, № 7—8.
- «На плетнях висят баранки...» (с. 39).— В книге «Радуница» под названием «Базар». П., 1916.
- Лещужная* (диалектн.) — от слова «лещуга» (осока).
- Сурьма* — краска.
- На пыжну* — в пыжнике, небольшом, мелком лесу, кустарнике.
- «В том краю, где желтая крапива...» (с. 40).— В «Ежемесячном журнале». П., 1916, № 9—10.
- ...по ветряному свею...— по ветряной пыльной вьюге.
- Корова (с. 41).— В журнале «Северные записки». П., 1916, № 9.
- Табун (с. 42).— В сборнике «Скифы». П., 1918, № 2.
- ...вихрастый гамаюн...— пастух; *гамаюн* — сказочная райская птица с человеческим лицом.
- Песнь о собаке (с. 43).— В газете «Советская страна». М., 10 февраля 1919 года.
- Осень (с. 44).— В сборнике «Скифы». П., 1917, № 1.
- Стильник* — монах.
- «Устал я жить в родном краю...» (с. 44).— В журнале «Северные записки». П., 1916, № 9.
- «За темной прядью перелесиц...» (с. 45).— В журнале «Северные записки». П., 1916, № 9.
- «Не бродить, не мять в кустах багряных...» (с. 46).— В книге «Голубень». П., 1918.
- «Я снова здесь, в семье родной...» (с. 47).— В альманахе «Творчество». М.— П., 1917, № 1.
- «Запели тесаные дроги...» (с. 47).— В «Ежемесячном журнале». П., 1916, № 7—8.
- «Гаснут красные крылья заката...» (с. 48).— В сборнике «Скифы». П., 1917, № 1.
- «О красном вечере задумалась дорога...» (с. 49).— В сборнике «Скифы». П., 1917, № 1.
- «О товарищах веселых...» (с. 49).— В сборнике «Скифы». П., 1917, № 1.

Пожня — делянка на лугу.

Лития — предпраздничное богослужение.

Ли си ца (с. 50).— В газете «Биржевые ведомости». П., 1916, № 15314.

Ощур — оскал.

«Проплясал, проплакал дождь весенний...» (с. 51).— В сборнике «Скифы». П., 1918, № 2.

Пилат — Понтий Пилат, давший согласие, по христианскому преданию, на казнь Христа. Символ равнодушия к человеческим страданиям.

Или, Или, лама савалфани — в переводе с древнееврейского: «Боже мой, боже мой, зачем ты меня оставил?»

Товарищ (с. 51).— В газете «Дело народа». П., 1917, № 8.

Вежды — веки.

«Не напрасно дули ветры...» (с. 55).— В сборнике «Скифы». П., 1918, № 2.

«О край дождей и непогоды...» (с. 56).— В сборнике «Скифы». П., 1918, № 2.

«О Русь, взмахни крылами...» (с. 56).— В сборнике «Скифы». П., 1918, № 2.

«Разбуди меня завтра рано...» (с. 58).— В журнале «Рабочий мир». М., 1918, № 56.

«Где ты, где ты, отчий дом...» (с. 59).— В газете «Вечерние известия». М., 1918, № 56.

«О пашни, пашни, пашни...» (с. 59).— В книге «Преображение». М., 1918.

Исайя — библейский пророк.

«Нивы сжаты, рощи голы...» (с. 60).— В газете «Вечерние известия». М., 1918, № 56.

«Я по первому снегу бреду...» (с. 60).— В газете «Вечерние известия». М., 1918, № 56.

«О верю, верю, счастье есть!..» (с. 61).— В журнале «Рабочий мир». М., 1918, № 18.

«Зеленая прическа...» (с. 61).— В книге «Преображение». М., 1918.

«Песни, песни, о чем вы кричите?..» (с. 62).— В книге «Преображение». М., 1918.

«Вот оно, глупое счастье...» (с. 63).— В книге «Преображение». М., 1918.

Кантата (с. 63).— В журнале «Зарево заводов». Самара, 1919, № 1.

Небесный барабанщик (с. 64).— В сборнике «Конница бурь». М., 1920.

«Я покинул родимый дом...» (с. 66).— В сборнике «Конница бурь». М., 1920, № 2.

«Хорошо под осеннюю свежесть...» (с. 67).— В сборнике «Конница бурь». М., 1920.

Пантократор (с. 67).— В газете «Советская страна». М., 1919, № 4.

Пантократор (греч.) — всесильный, всемогущий.

Водолей — созвездие.

«Ветры, ветры, о снежные ветры...» (с. 69).— В 4-м томе Собрания стихотворений Сергея Есенина. М.— Л., 1927.

«По-осеннему кычет сова...» (с. 70).— В журнале «Знамя». М., 1920, № 3—4.

Сорокоуст (с. 71).— В журнале «Творчество». М., 1920, № 7—10.

«Я последний поэт деревни...» (с. 71).— В книге «Трехрядница». М., 1920.

Песнь о хлебе (с. 72).— В журнале «Знамя». М., 1921, № 9.

«Мир таинственный, мир мой древний...» (с. 73).— В журнале «Культура и жизнь». М., 1922, № 2—3.

«Не жалею, не зову, не плачу...» (с. 74).— В журнале «Красная новь». М., 1922, № 2.

«Не ругайтесь. Такое дело!..» (с. 75).— В журнале «Огонек». М., 1923, № 26.

«Эта улица мне знакома...» (с. 75).— В журнале «Красная новь». М., 1923, № 6.

«Ты такая ж простая, как все...» (с. 77).— В журнале «Красная нива». М., 1923, № 41.

«Дорогая, сядем рядом...» (с. 77).— В журнале «Красная новь». М., 1923, № 7.

«Мне грустно на тебя смотреть...» (с. 78).— В журнале «Русский современник». М.— Л., 1924, № 2.

Письмо матери (с. 79).— В журнале «Красная новь». М., 1924, № 3.

«Мы теперь уходим понемногу...» (с. 80).— В журнале «Красная новь». М., 1924, № 4.

Возвращение на родину (с. 81).— В журнале «Красная новь». М., 1924, № 4.

Кужольни — сорная трава.

Пушкину (с. 84).— В газете «Бакинский рабочий», 1924, № 217.

«Этой грусти теперь не рассыпать...» (с. 85).— В газете «Бакинский рабочий», 1924, № 217.

Русь советская (с. 86).— В газете «Бакинский рабочий», 1924, № 216.

«Издатель славный! В этой книге...» (с. 89).— В газете «Красная газета». Л., 1925, № 316.

«Отговорила роща золотая...» (с. 89).— В газете «Бакинский рабочий», 1924, № 15.

На Кавказе (с. 90).— В газете «Заря Востока». Тифлис, 1924, № 681.

Баллада о двадцати шести (с. 92).— В газете «Бакинский рабочий», 1924, № 214.

Сукин сын (с. 96).— В газете «Бакинский рабочий», 1924, № 215.

«Низкий дом с голубыми ставнями...» (с. 98).— В журнале «Русский современник». М.— Л., 1924, № 3.

Памяти Брюсова (с. 98).— В газете «Заря Востока». Тифлис, 1924, № 722.

Русь уходящая (с. 99).— В газете «Заря Востока». Тифлис, 1924, № 722.

Поэтам Грузии (с. 102).— В газете «Заря Востока». Тифлис, 1924, № 735.

Письмо от матери (с. 104).— В газете «Заря Востока». Тифлис, 1924, № 747.

Ответ (с. 107).— В газете «Заря Востока». Тифлис, 1924, № 747.

Письмо деду (с. 109).— В газете «Бакинский рабочий», 1924, № 297.

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ

Цикл «Персидские мотивы» (пятнадцать стихотворений) написан во время пребывания Есенина на Кавказе — в Тифлисе, Батуми, Баку — во второй половине 1924 и первой половине 1925 года. Образ Персии, ее природы создавался Есениным на основе кавказских впечатлений и под воздействием творчества классиков персидской и таджикской литературы — Саади, Омара Хайяма, Фирдоуси. Сам Есенин в Персии никогда не был.

«Улеглась моя былая рана...» (с. 113).— Впервые опубликовано в газете «Трудовой Батум», 1924, № 280.

«Я спросил сегодня у менялы...» (с. 114).— В газете «Трудовой Батум», 1924, № 280.

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!...» (с. 114).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 1.

«Ты сказала, что Саади...» (с. 115).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 1.

«Никогда я не был на Босфоре...» (с. 116).— В газете «Заря Востока». Тифлис, 1925, № 782.

«Свет вечерний шафранного края...» (с. 117).— В газете «Заря Востока». Тифлис, 1925, № 782.

«Воздух прозрачный и синий...» (с. 118).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 82.

«Золото холодное луны...» (с. 118).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 82.

«В Хороссане есть такие двери...» (с. 119).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 74.

«Голубая родина Фирдуси...» (с. 120).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 177.

«Быть поэтом — это значит то же...» (с. 121).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 177.

«Руки милой — пара лебедей...» (с. 122).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 179.

«Отчего луна так светит тускло...» (с. 122).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 183.

«Глупое сердце, не бейся!..» (с. 123).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 177.

«Голубая да веселая страна...» (с. 124).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 179.

Мой путь (с. 125).— Впервые напечатано в журнале «Город и деревня». М., 1925, № 3—4 и 5.

Собаке Качалова (с. 129).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 77.

«Не вернусь я в отчий дом...» (с. 130).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 108.

Письмо к сестре (с. 131).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 102.

«Заря окликает другую...» (с. 133).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 104.

«Синий май. Заревая теплынь...» (с. 134).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 110.

«Не уютная жидкая лунность...» (с. 134).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 115.

«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» (с. 135).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 115.

«Вижу сон. Дорога черная...» (с. 136).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 161.

«Каждый труд благослови, удача!..» (с. 136).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 171.

«Я иду долиной. На затылке кепи...» (с. 137).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 174.

«Спит ковыль. Равнина дорогая...» (с. 138).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 161.

«Я помню, любимая, помню...» (с. 139).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 174.

«Море голосов воробьиных...» (с. 140).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 179.

«Листья падают, листья падают...» (с. 141).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 199.

«Над окошком месяц. Под окошком ветер...» (с. 141).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 230.

«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!..» (с. 142).— В газете «Бакинский рабочий», 1925, № 230.

«Я красивых таких не видел...» (с. 142).— В журнале «Красная нива». М., 1925, № 42.

«Ах, как много на свете кошек...» (с. 143).— В журнале «Красная нива». М., 1925, № 42.

«Ты запой мне ту песню, что прежде...» (с. 144).— В журнале «Красная нива». М., 1925, № 42.

«В этом мире я только прохожий...» (с. 145).— В журнале «Красная нива». М., 1925, № 42.

«Эх вы, сани! А кони, кони!..» (с. 145).— В журнале «Новый мир». М., 1925, № 11.

«Синий туман. Снеговое раздолье...» (с. 146).— В альманахе «Красная новь». М.— Л., 1925, № 2.

«Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...» (с. 147).— В журнале «Красная новь». М., 1925, № 9.

«Голубая кофта. Синие глаза...» (с. 147).— В журнале «Красная новь». М., 1925, № 9.

«Снежная замать крутит бойко...» (с. 148).— В журнале «Красная новь». М., 1926, № 1; в «Красной газете», вечерний выпуск. Л., 1926, № 16.

«Вечером синим, вечером лунным...» (с. 148).— В журнале «Красная новь». М., 1925, № 50.

«Не криви улыбку, руки бережя...» (с. 148).— В журнале «Красная новь». М., 1926, № 2.

«Плачет метель, как цыганская скрипка...» (с. 149).— В журнале «Красная новь». М., 1926, № 1.

«Ах, метель такая, просто черт возьми...» (с. 149).— В книге «Сергей Есенин. Избранное». М., 1946.

«Снежная равнина, белая луна...» (с. 149).— В книге «Сергей Есенин. Избранное». М., 1946.

«Свищет ветер, серебряный ветер...» (с. 150).— В журнале «Красная нива». М., 1925, № 45.

«Мелколесье. Степь и дали...» (с. 150).— В журнале «Красная новь». М., 1925, № 50.

«Цветы мне говорят—прощай...» (с. 151).— В журнале «Красная нива». М., 1925, № 50.

«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» (с. 152).— В газете «Красная газета». Л., 1926, № 2.

«Какая ночь! Я не могу...» (с. 152).— В газете «Бакинский рабочий», 1926, № 37.

«Не гляди на меня с упреком...» (с. 153).— В газете «Бакинский рабочий», 1926, № 37.

«Может, поздно, может, слишком рано...» (с. 154).— В газете «Бакинский рабочий», 1926, № 37.

«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» (с. 155).— В журнале «Новый мир». М., 1959, № 12.

ПОЭМЫ

Ленин (Отрывок из поэмы «Гуляй-поле») (с. 159).— В альманахе «Круг». М., 1924, № 3. Отрывок впервые опубликован (строки 82—96) в журнале «Красная новь». М., 1924, № 4; полностью в книге «Страна советская». М., 1925.

Песнь о великом походе (с. 162).— В газете «Заря Востока». Тифлис, 1924, № 677.

Поэма о 36 (с. 176).— В газете «Заря Востока». Тифлис, 1925, № 686.

Анна Снегина (с. 188).— В журнале «Город и деревня». М., 1925, в № 5 опубликованы отрывки (строки 57—80, 271—318); в № 8 — строки 499—581; полностью в газете «Бакинский рабочий», 1925, № 95 и 96.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Занковская. Великий русский поэт</i>	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Вот уж вечер. Роса...»	23
«Там, где капустные грядки...»	23
«Поет зима — аукает...»	24
Подражанье песне	24
«Сыплет черемуха снегом...»	25
Калики	25
«Темна ноченька, не спится...»	26
«Хороша была Танюша, краше не было в селе...»	27
«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...»	27
«Матушка в Купальницу по лесу ходила...»	28
Береза	28
Кузнец	29
С добрым утром!	30
«Зашумели над затоном тростники...»	30
«Край любимый! Сердцу снятся...»	31
В хате	31
«По селу тропинкой кривенькой...»	32
«Гой ты, Русь, моя родная...»	33
«Я — пастух; мои палаты...»	33
«Сохнет стаявшая глина...»	34
«Край ты мой заброшенный...»	35
«Черная, потом пропахшая выть!...»	35
«Топи да болота...»	36
Русь	36
«На плетнях висят баранки...»	39
«В том краю, где желтая крапива...»	40
Корова	41
Табун	42
Песнь о собаке	43
Осень	44
«Устал я жить в родном краю...»	44
«За темной прядью перелесиц...»	45

«Не бродить, не мять в кустах багряных...»	46
«Я снова здесь, в семье родной...»	47
«Запели тесаные дроги...»	47
«Гаснут красные крылья заката...»	48
«О красном вечере задумалась дорога...»	49
«О товарищах веселых...»	49
Лисица	50
«Проплясал, проплакал дождь весенний...»	51
Товарищ	51
«Не напрасно дули ветры...»	55
«О край дождей и непогоды...»	56
«О Русь, взмахни крылами...»	56
«Разбуди меня завтра рано...»	58
«Где ты, где ты, отчий дом...»	59
«О пашни, пашни, пашни...»	59
«Нивы сжаты, рощи голы...»	60
«Я по первому снегу бреду...»	60
«О верю, верю, счастье есть!...»	61
«Зеленая прическа...»	61
«Песни, песни, о чем вы кричите?..»	62
«Вот оно, глупое счастье...»	63
Кантата	63
Небесный барабанщик	64
«Я покинул родимый дом...»	66
«Хорошо под осеннюю свежесть...»	67
Пантократор	67
«Ветры, ветры, о снежные ветры...»	69
«По-осеннему кычет сова...»	70
Сорокоуст. <i>Отрывок из поэмы</i>	71
«Я последний поэт деревни...»	71
Песнь о хлебе	72
«Мир таинственный, мир мой древний...»	73
«Не жалею, не зову, не плачу...»	74
«Не ругайтесь. Такое дело!..»	75
«Эта улица мне знакома...»	75
«Ты такая ж простая, как все...»	77
«Дорогая, сядем рядом...»	77
«Мне грустно на тебя смотреть...»	78
Письмо матери	79
«Мы теперь уходим понемногу...»	80
Возвращение на родину	81
Пушкину	84
«Этой грусти теперь не рассыпать...»	85
Русь советская	86
«Издатель славный! В этой книге...»	89
«Отговорила роща золотая...»	89
На Кавказе	90
Баллада о двадцати шести	92
Сукин сын	96
«Низкий дом с голубыми ставнями...»	98
Памяти Брюсова	98
Русь уходящая	99

Поэтам Грузии	102
Письмо от матери	104
Ответ	107
Письмо деду	109

Персидские мотивы

«Улеглась моя бывлая рана...»	113
«Я спросил сегодня у менялы...»	114
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!...»	114
«Ты сказала, что Саади...»	115
«Никогда я не был на Босфоре...»	116
«Свет вечерний шафранного края...»	117
«Воздух прозрачный и синий...»	118
«Золото холодное луны...»	118
«В Хороссане есть такие двери...»	119
«Голубая родина Фирдуси...»	120
«Быть поэтом — это значит то же...»	121
«Руки милой — пара лебедей...»	122
«Отчего луна так светит тускло...»	122
«Глупое сердце, не бейся!...»	123
«Голубая да веселая страна...»	124

Мой путь	125
Собаке Качалова	129
«Не вернусь я в отчий дом...»	130
Письмо к сестре	131
«Заря окликает другую...»	133
«Синий май. Заревая теплынь...»	134
«Неуютная жидкая лунность...»	134
«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...»	135
«Вижу сон. Дорога черная...»	136
«Каждый труд благослови, удача!...»	136
«Я иду долиной. На затылке кепи...»	137
«Спит ковыль. Равнина дорогая...»	138
«Я помню, любимая, помню...»	139
«Море голосов воробьиных...»	140
«Листья падают, листья падают...»	141
«Над окошком месяц. Под окошком ветер...»	141
«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!...»	142
«Я красивых таких не видел...»	142
«Ах, как много на свете кошек...»	143
«Ты запой мне ту песню, что прежде...»	144
«В этом мире я только прохожий...»	145
«Эх вы, сани! А кони, кони!...»	145
«Синий туман. Снеговое раздолье...»	146
«Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...»	147
«Голубая кофта. Синие глаза...»	147
«Снежная замаять крутит бойко...»	148
«Вечером синим, вечером лунным...»	148

«Не криви улыбку, руки беребя...»	148
«Плачет метель, как цыганская скрипка...»	149
«Ах, метель такая, просто черт возьми...» . .	149
«Снежная равнина, белая луна...»	149
«Свищет ветер, серебряный ветер...»	150
«Мелколесье. Степь и дали...»	150
«Цветы мне говорят — прощай...»	151
«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...»	152
«Какая ночь! Я не могу...»	152
«Не гляди на меня с упреком...»	153
«Может, поздно, может, слишком рано...» . .	154
«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...»	155

ПОЭМЫ

Ленин. <i>Отрывок из поэмы «Гуляй-поле»</i> . . .	159
Песнь о великом походе	162
Поэма о 36	176
Анна Снегина	188
Примечания	210

Есенин С. А.

Е 82 Стихотворения и поэмы. Сост., вступит. ст. и примеч. Л. Занковской. М., «Моск. рабочий», 1977.
224 с. с илл. (Школьная библиотека)

Е $\frac{70302-201}{M172(03)-76}$ 161-77

Р2

Есенин Сергей Александрович

СТИХОТВОРЕНИЯ. ПОЭМЫ

Заведующая редакцией *Л. Сурова*

Редактор *Н. Далада*

Технический редактор *Г. Смирнова*

Корректор *Н. Сечина*

Сдано в набор 9/XI 1976 г. Подписано к печати
17/II 1977 г. Бум. № 1. Формат 60 × 84¹/₁₆. Усл. печ.
л. 14,88. Уч.-изд. л. 12,74. Тираж 100 000. Цена 66 коп.
Заказ 1220.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Московский рабочий», Москва, Чистопрудный
бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

66 коп.

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ • 1977